

ИЗ ЗАЛА СУДА

ИРИНА ВОЛК, ИГОРЬ ГОЛОСОВСКИЙ

Признаю себя виновным...

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

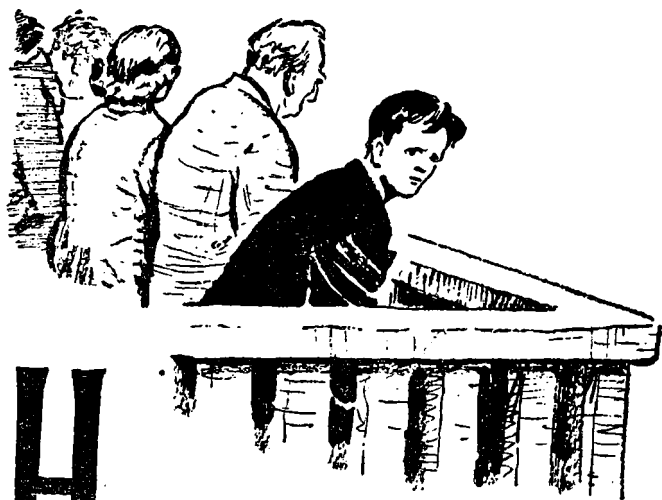
ИРИНА ВОЛК, ИГОРЬ ГОЛОСОВСКИЙ

Признаю себя виновным...

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1959

Н

А СКАМЬЕ подсудимых — шестеро. Четверо юношей, мужчина с мрачным взглядом и молодая женщина с вызывающим, дерзким лицом.

Идет судебное заседание. В зале множество людей, и все они с напряженным вниманием слушают выступающих. Звучат речи прокурора, адвокатов, показания обвиняемых и свидетелей. Процесс этот не совсем обычен. В суд пришли рабочие крупного машиностроительного завода, студенты московского института. Вместе с судьями они выносят сейчас приговор тем, кто понурившись сидит за деревянной перегородкой. В ходе процесса становится ясно: пятеро виноваты. А шестой? Самый юный из них, студент Евгений Ремизов? Он очень взволнован и не смотрит в зал, где сидят его друзья, родные. Улики против него бесспорны. И сам он только что признал себя виновным... Но то, что привело его на скамью подсудимых, далеко выходит за рамки этого судебного дела. В чем виноват Евгений Ремизов? Как и почему оказался он на скамье подсудимых?

Давайте отвлечемся пока от судебного заседания и вернемся к тем событиям, которые предшествовали суду.

Вот как это началось...

1. ХОРОШИЙ ПАРЕНЬ — ТОЛИК

Едва не сбив с ног прохожего, Женя вбежал во двор. Билеты буквально жгли ему карман. И зачем он их взял? Знал, что денег нет и достать негде. На что он надеялся? Не позже чем завтра нужно расплатиться с театральным кассиром.

Женя рванул дверь подъезда и, поднимаясь по лестнице, как всегда замедлил шаги. Откроет ли мать сразу или придется опять ждать, а то и вовсе уйти? Он задержался возле двери, прислушался. Так и есть. Гость там. Слышится громкий, искусственный смех матери. Как в кино смеется...

Вдруг совсем близко раздались шаги. Дверь открылась. Они появились на пороге. О, они, разумеется, не ожидали увидеть его сейчас здесь, иначе мать привела бы в порядок прическу.

— Ты? — преувеличенно добродушно, нарочито «своиским» тоном, от которого всегда корбило Женю, воскликнул Георгий Аристархович. — А я, представь, был огорчен, что уйду, не увидев тебя.

— Представляю, — буркнул Женя, глядя под ноги. Не хотелось видеть это знакомое сытое лицо.

— Поздоровался бы хоть, — раздраженно сказала мать. — Чему вас только учат в институте?

— Он же устал, Лидия Ивановна! — тотчас вступился Георгий Аристархович. — Он хороший юноша, но он очень устал, правда?

Как бесит, когда с тобой говорят таким тоном!

Женя молча прошел в квартиру, не оборачиваясь, стараясь не слышать их голосов, и устало присел на диван. Он бы хотел не приходить сюда совсем. Все здесь, как в театре: и вещи, и чувства, и поступки. На столе — красивая, вышитая золотом скатерть. Хорошая скатерть, но на ней не едят. На кровати — белоснежные наволочки, пахнущие елкой и морозом, на ночь их бережно снимают. На туалетном столике рядом с бесчисленными баночками, флаконами и шкатулками красуется большой портрет Георгия Аристарховича. Можно подумать, что его так любят, так уважают в этом доме! Но Женя знает: портрет появляется лишь перед приходом гостя, а в обычное время пребывает в письменном столе.

Над диваном — маленькая фотография отца. Вот это настоящее, не выдуманное. Возле рамочки — пучок засохших цветов. Мать, вздыхая, говорит своим друзьям:

— Вот человек, который бросил меня и ребенка. Но я всегда вижу его перед собой...

Она, не стесняясь, повторяет это при Жене, хотя ему хорошо известно, что она говорит неправду. Ведь это он повесил портрет и всегда прикрепляет к рамке цветы. Сколько пришлось ему скандалов вынести, пока завоевал он это право.

Женя открыл буфет и взял пиалу, из которой ел еще ребенком. Он берег эту хрупкую вещь, привезенную отцом из очередной экспедиции, и всегда ел только из нее, не желая прикасаться к фарфоровым тарелкам, которыми набит буфет.

Поставив перед собой книгу, он торопливо глотал суп. Его черные глаза с чуточку припухшими веками быстро скользили по строчкам. Согнувшись над столом, он выглядел совсем подростком, с этими еще по-мальчишески узкими плечами и черным вихорком на затылке, придававшим ему задорный вид.

Потом, отложив книгу, Женя снова стал прикидывать, где взять пятьдесят рублей, чтобы уплатить за билеты в Большой театр. Может вернуть их пока не поздно? Впрочем, уже поздно. Он ведь успел позвонить Наде и сказать, что ее желание исполнено и она сегодня увидит Уланову в «Лебедином озере».

На столе лежала раскрытая сумочка Лидии Ивановны. Скосив глаза, Женя заметил в кожаном карманчике пачку сторублевых. Только вчера мать говорила, что нет денег даже на хлеб. А теперь вот появились...

— Я только сбегаю в комиссионный магазин! — пойдя к зеркалу, сказала мать. Женя посмотрел на нее. В модном пальто, в шапочке с каким-то невесомым пуховым помпоном она казалась совсем юной, легкой, стройной. Умело подкрашенное лицо алело нежным румянцем. Она подвязала шарф, натянула перчатки и добавила уже с порога:

— Если мне позвонят... Впрочем, я скоро вернусь.

Женя стал перебирать книги. Придется что-то продать. Иного выхода нет. А жаль! Ведь каждая книга — друг! Особенно эти, подаренные отцом. Книги о путешествиях, великих открытиях. Папа огорчится, если узнает. Но он не узнает. Он ведь не бывает здесь.

Отобрав несколько книг, Женя перевязал их бечевкой и вышел. В темном подъезде кто-то курил. Вспыхнувший

огонек осветил кепку с маленьким козырьком, пышный чуб.

— Толик! — вслух определил Женя.

— Он самый! — раздался знакомый шутливый голос.— А ты куда жмешь?!

— Да так,— неохотно ответил Женя и крепче прижал локтем книги. Толик заметил этот жест.

— Книги продавать?!

— А что? — мрачно спросил Женя.— Может не имею права?

— Студенту книги нужны! — наставительно заметил Толик.

В этот момент в подъезде зажегся свет, и Женя увидел Толика. Как всегда нарядный, в дорогом пальто, Толик показался ему веселым и беспечным. Он взял у Жени книги и, покачивая головой, нараспев прочел:

— Миклухо-Маклай! Это, небось, про Африку? А это кто? Фритьоф Нансен... Немец? Не люблю немцев!

Потом протянул Жене книги и небрежно спросил:

— Так, говоришь, деньги нужны? Может, дать?

Он сунул руку во внутренний карман и повертел перед глазами удивленного Жени толстой пачкой.

— Откуда у тебя столько? — робко спросил Женя.

— Неужели украл? — хмыкнул Толик, потом серьезно добавил: — В нашей артели хозяйственный год кончился, ну и, конечно, мне премию дали.

— Мне немного надо,— застенчиво сказал Женя.— Я получу стипендию и отдам. А то, понимаешь, билеты взял, с девушкой в театр пойти...

— Театр — это культура! — снисходительно согласился Толик, приглаживая волосы.— Дай-ка расческу,— причесавшись, он машинально сунул расческу в карман и продолжал,— на вот, возьми сотнягу... На билеты, ну и на прочее...

Женя с готовностью кивнул. Спасибо Толику, выручил, как настоящий приятель. А ведь они, собственно, и не дружат. Так иногда перекинутся во дворе парой слов.

Женя пожал Толику руку. Не зная, как выразить свою благодарность, он неловко сказал:

— А ты приходи к нам на вечер в институт. Весело будет.

— Можно,— согласился Толик.— А куда приходиться-то?

— Как поднимешься по лестнице, направо — кабинет директора, налево — актовый зал. Туда и ступай. Ты не спутаешь? У директора в приемной часы такие высокие стоят, с золотыми стрелками.

— Ну, уж с золотыми,— хмыкнул Толик.— Небось американское золото!

— Да нет! Ведь это же старинные часы. Фирмы Павла Бурэ. На ночь их даже чехлом закрывают!

— Хорошо, не спутаю,— зевнул Толик.— А может, я и вообще не приду. Бывай здоров!

Женя постоял немного один. Смутные чувства владели им. Было почему-то немножко тревожно и грустно. Он никогда еще не брал в долг. Нашупав в кармане хрустящую сторублевку, Женя вздохнул: лучше бы уж продал книги!

2. НАДЯ И ВАНЯ

Не пойдешь никуда! — раздраженно заявила Степанида Петровна. Она стояла у раскрытого буфета, складывая туда бесчисленные кульки, которые вынимала из авоськи. Ее плотная фигура выражала непреклонную решимость. Да, она здесь хозяйка! И никто не посмеет изменить ее решение, как никто не осмелится сдвинуть с мест массивные, в белых чехлах стулья, пузатый старинный шкаф, бесчисленные тумбочки и этажерки, делающие комнату похожей на комиссионный магазин.

Надя беспомощно положила на диван сумку и села:

— Ну, мама...

— Я должна знать, с кем ты уходишь! — Степанида Петровна с размаху поставила утюг мимо подставки. — А так не позволю, поняла?

— Ничего не поняла! — поднялась Надя. — И не говори мне об этом больше...

Она ушла в свою маленькую комнатку и опустилась на кровать, подперев руками голову. Вот всегда так. Ни в гости, ни на каток... Даже в театр не пускает. И ведь Надя уже не маленькая. Студентка!

Хлопнула дверь. Наверно, отец вернулся с работы. Сейчас мать начнет жаловаться. Впрочем, пусть. Ведь Наде не так уж и хотелось идти с Женей. Просто не видела еще Уланову в этой роли. Женя ей не больно-то нужен. А мать зря так беспокоится. Хороший парень, студент, не какой-нибудь там хулиган.

Надя огорченно взглянула в зеркало, которое отразило ее синее платье с беленьким воротничком, новые туфли, только что купленные на стипендию. Она увидела маленькую дырочку на чулке и, досадливо морщась, сняла его с ноги: вот уже третий раз приходится зашивать. Мать никогда не дает купить новые, пока старые не сносятся.

Чуть высунув язык, она старательно ловила ускользающую нитку. Потом осторожно сняла второй чулок, бережно сложила. Надела халатик — дешевый, ситцевый. Мать не разрешает шелковый: рано, говорит. Шелковые халаты приличные девушки не носят.

Надя снова посмотрела в зеркало, увидела вдруг, как вылинял халат, как растрепались приглаженные светлые косы. Ей почему-то стало жаль себя, даже слезы навернулись. Женья, наверно, через полчаса придет и будет ждать у входа в Александровский сад, где они условились встретиться...

Неуверенный звонок прервал грустные размышления. Надя прислушалась. Ваня! Конечно, он! Хорошо, что она дома! Он ведь должен был зайти, а Надя собиралась в театр, не предупредив его. Послышался Ванин голос. Но что он говорит?

— Я в театр билеты достал, Степанида Петровна... Может вы разрешите Наде?..

В ответ раздался ласковый, умиротворенный голос матери:

— Так это ты с Надюшей в театр собрался? Что же она сразу не сказала, что с тобой? С тобой, сынок, куда хочешь ее пушу!

Надя притихла. Что же теперь будет? Какое у Вани, наверно, удивленное лицо! Снова послышался его спокойный голос:

— А Надюша дома? Ей еще собраться нужно.

— Я готова! — крикнула Надя и молниеносно накинула платье, пригладила волосы. Быстро надеты чулки, туфельки, капелька духов брызнула на платок, и вот она уже выбегает навстречу Ване, веселая, оживленная. Грусти нет и в помине! Осталась там, в душной маленькой комнате! Правда, взглянув на Ваню, она чуточку смутилась, но он отвел глаза и мягко сказал:

— Как бы не опоздать! Пошли...

Надя ткнулась носом в щеку матери и побежала к двери. попрощавшись со Степанидой Петровной, Ваня двинулся

за ней. У низкой притолоки ему, как всегда, пришлось наклонить голову. Заметив это движение, Надя улыбнулась. Какой нескладный! Она увидела, как он с досадой отбрасывал со лба кудрявую прядь светлых волос. Вьющиеся кудри злили Ваню: точь-в-точь перманент. Он дважды стригся наголо, а упрямые волосы по-прежнему отрастали кудрявыми.

Степанида Петровна смотрела им вслед. И чего Надьке еще нужно? И собой статный, и родителей уважает, и зарабатывает. Вся семья на нем держится, даром, что простой токарь. Сестру вон замуж отдал, свадьбу справил, как полагается, и две другие малышки на его деньги учатся... Уж больно капризна дочка. Да и то сказать — глупа!

Надя и Ваня шли рядом. Никому не хотелось первым начинать разговор. Перешли Манежную площадь. Надя вдруг остановилась и виновато сказала:

— Я хотела пойти не с тобой. Понимаешь? Я после расскажу...

— Хорошо, — медленно ответил Ваня. — Тогда до свидания. Тебя проводить?

— Нет, не надо! — заторопилась девушка. У решетки она уже видела знакомую фигуру.

— Хорошо, — повторил Ваня.

Наде показалось, что он хотел сказать совсем другое. Она пожала ему руку и пошла вперед, вспомнив, как в прошлом году Ваня привел ее в Кремль на новогодний бал. Именно там, на балу, он познакомил Надю со своим закадычным другом Женей Ремизовым.

Ваня задумчиво шагал вдоль решетки сада и вдруг увидел их — Надю и Женю. Надя стояла к Ване спиной. Женя увидел друга, но почему-то не поздоровался. Ваня стиснул зубы и пошел к театру. Там уже бродили любители балета и робко спрашивали прохожих: «У вас нет лишнего билета?»

Ваня очень обрадовал какую-то пышную даму, продав ей оба билета. Потом встал за колонной. Ему захотелось поглядеть, как они рука об руку пойдут к театру: его друг Евгений и Надя, девушка, с которой он сам его познакомил. И вот Надя выбрала Женю... Впрочем, какое некрасивое, неточное слово! Что значит выбрала? Просто ей хочется провести вечер с Женей. Разве она не права? Ей с ним интереснее. Он умный, начитанный, так увлекательно рассказывает обо всем. Кому же это знать, как не Ване! Только

почему Женя от него скрыл, что хочет пойти в театр? Это нечестно! Нет, наверно, он просто не успел... А Надя вела себя честно и прямо! Ваня сам виноват, нагрянув так неожиданно...

Ему стало стыдно, что он стоит за колонной и подглядывает за друзьями. Ваня отошел и едва не столкнулся с высоким парнем в серой шляпе. Тот схватил Ваню за рукав:

— А я тебя ищу. Сказали, в театр пошел...

— Не пришлось,— неопределенно отозвался Ваня.

Парень в серой шляпе, Ванин знакомый, сотрудник уголовного розыска Андрей Ковров взял его под руку:

— Слушай, позвони Зине в машинописное бюро. А то мой голос там знают и не зовут ее. А потом, пожалуйста, можешь идти в театр.

— Нет, уж лучше домой! — мрачно ответил Ваня и побрел к телефонной будке. Ему не впервой было выполнять подобные просьбы Коврова.

...Большой театр! Все, кто живет далеко от Москвы, мечтают побывать в нем, хотя бы однажды. Они завидуют москвичам, не подозревая, что и те бывают здесь не часто и каждый раз это большой, настоящий праздник для них.

Женя робко взял Надю под руку. Они вошли в зрительный зал и на секунду замерли, опять по-новому пораженные знакомым, но все равно чудесным пурпурным светом, лившимся со всех сторон.

Когда сели на свои места, Надя вдруг заметила, что ее спутнику не по себе. Женя был мрачен и молчалив. Неожиданно он спросил, глядя поверх ее головы:

— Скажите, ведь вы хотели пойти сюда с Ваней?

Надя растерялась:

— Нет, он только проводил меня...

— Правда? Я вас видел.

Надя замолчала, почувствовав себя виноватой, хотя не могла понять, в чем ее вина. У нее испортилось настроение. Она рассердилась на Женю и почему-то на Ваню и стала раскаиваться, что пришла сюда:

— Я понятия не имела, что Ваня купил билеты... Мама не хотела отпустить меня в театр, потому что не знала, с кем я иду. А тут пришел Ваня, пригласил меня, и все так хорошо получилось...

Женя просиял. Значит, она хотела идти с ним, только с ним!

Остаток вечера они были веселы, беззаботны. И только проведив Надю домой, конечно, только до угла, чтобы не увидела Степанида Петровна, Женья снова помрачнел. Почему, собственно, Надина мама так настроена против него, что даже на захотела отпустить дочь? В эту минуту Женья забыл, что девушка даже не назвала матери его имени. Что касается Ваши, то он в их доме, видимо, желанный гость... За жениха считают!

Женья вдохнул воздух — ему внезапно стало душно. Потом, втянув голову в плечи, побрел домой.

Шел второй час ночи.

3. СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

— Бросили бы все это, Михаил Семенович,— настойчиво повторил Жуков.

Ему, высокому и грузному, было неловко сидеть на круглом, вертящемся табурете. Остальные стулья в этой небольшой, сумрачной, узкой, как коридор, комнате были завалены книгами, запыленными папками, какими-то камнями, которым, видимо, не хватило места в большом фанерном ящике, стоявшем у стены. Жуков презирал и эту холостяцкую, запущенную комнатку, и ее чудака-хозяина. Сидел перед собеседником важный, степенный, в отлично отутюженном пиджаке. Гладко выбритые щеки отливали синевой.

Михаил Семенович молчал, не пытаясь больше возражать. Он просто не хотел говорить на эту тему, которая поднималась уже не в первый раз.

Да, разумеется, Жуков по-своему прав. Ведь он ученый секретарь географического общества. Он привык к тому, что экспедиция утверждается главком, ее планы заранее известны. Экспедиция направляется в определенный район, туда, где уже не раз производились раскопки. Многие музеи украшены экспонатами, извлеченными оттуда. Неудачи не может быть. Там все ясно, там наука не ищет нового, неизведанного, а лишь спокойно фиксирует то, что давно открыто и, главное, апробировано начальством. А Михаил Семенович Ремизов — фантазер и мечтатель. Он требует иного и от Жукова, и от других, которые решают судьбы экспедиций. Некоторым кажется смешным, что профессор Ремизов остался мечтателем в свои пятьдесят лет, упорно отказывается от хорошего оклада, спокой-

ной работы, предпочитая ходить в старом лыжном костюме и тратить последние деньги на приготовления к путешествию, которое, подумать только, никем не утверждено!

Жуков и некоторые другие говорят Ремизову с укоризной и с иронией:

— Успокоиться пора. Конечно, может быть, вы правы, и есть где-то город, похороненный в песках. А что, если нет? Если средства пропадут зря, кто будет отвечать?

«Добрые друзья», уговаривающие Михаила Семеновича не думать и не мечтать, находят еще один важный довод:

— Вам ведь приходится помогать сыну и жене. Вам нужны деньги...

Да, они относятся к нему хорошо, пожалуй, лучше, чем, с их точки зрения, он заслуживает. Но разве такое сочувствие нужно профессору? Разве об этом мечтает он длинными неуютными вечерами, когда в комнате становится темно от дыма выкуренных папирос?

Ремизов не сдается. Он продолжает убеждать и настаивать. Неведомый город — вот он встает перед Ремизовым, как живой, с кривыми улочками, широкими площадями и необычными, приподнятыми вверх крышами домов, — существует, потому что существовала древняя культура, породившая его. Только как объяснить это тем, кто не хочет понимать?

Михаил Семенович Ремизов глухо говорит, поглаживая сухими пальцами корешок толстой книги:

— Я благодарю вас, но я решил твердо: через неделю мы выезжаем в горы Ала-Тау.

Жуков удивленно поднимает брови.

— Кто это «мы»? Вы имеете в виду экспедицию? — спрашивает он. — Но вы что-то путаете, дорогой мой.

— Причем тут экспедиция! — устало отзывается Михаил Семенович. — Слушайте... Я ученый, а не ремесленник. Спасибо, вы помогли мне. Вот, — он поднимает книгу, — вы переиздали мой труд, написанный тридцать лет назад. Сегодня я получил деньги, и теперь мы уезжаем в отпуск — я и двое моих коллег. Мы вправе, как хотим, распоряжаться собственным отпуском.

— Но это безумие! — вскрикивает Жуков, теряя спокойствие. — Как можно за свой счет ехать куда-то в неизвестность!

— Я поеду просто так, сам, потому что меня зовет совесть! — отвечает Михаил Семенович.

— Совесть! — с раздражением перебивает Жуков. — Вместо того, чтобы быть неисправимым фантазером, вы бы подумали о реальных вещах. Вы знаете, что ваша жена опять написала заявление в партийное бюро?

— О чем?

Жуков разводит руками:

— Вы не даете ей денег. Вы увезли какие-то вещи. Словом, вы нечистоплотный человек, морально неустойчивый, ну и все такое — вы же знаете ее стиль.

Михаил Семенович темнеет:

— Жаль, что Женька живет с ней. Она испортит сына.

Жуков делает страдальческое лицо:

— Кстати, под этим заявлением стоят две подписи: ее и Евгения.

— Не может быть! — тихо говорит Михаил Семенович. — Не может быть! А я так мечтал взять его в горы...

Жуков молчит, хотя мог бы ответить безумцу: пожалуй, к лучшему, что ты не потащишь мальчишку к черту на рога! Поезжай с сумасшедшими друзьями, такими же неудачливыми археологами, как ты сам! Но какое, впрочем, ему дело? Хватит того, что Жуков пришел сюда, чтобы попытаться вразумить Ремизова. Но, видно, бесполезно.

Ученый секретарь сухо прощается и уходит.

Как только за Жуковым закрывается дверь, профессор начинает лихорадочно искать шапку. Он выходит на улицу и шагает, ничего не видя вокруг. Сейчас Михаил Семенович пойдет к жене и скажет все, что думает об этой гадкой, возмутительной истории. Ведь всего несколько дней назад он передал ей через друга тысячу рублей — на время отлучки. Как же она может писать...

Лифт стремительно возносится на шестой этаж министерства. Михаил Семенович открывает дверь в приемную и видит Лиду. Завитые волосы, оживленное, сияющее лицо. Двое мужчин с папками, видимо, дожидаясь приема, вертятся возле нее. Она шутит и говорит с ними весело и непринужденно. Вот она поворачивает голову и смотрит на Ремизова чужим, холодным взглядом. Потом медленно, с глубоко спрятанной насмешкой спрашивает:

— Товарищ, вы к кому?

Михаил Семенович теряется. Разве она не узнает его? Неужели он так изменился? Ремизов оглядывает себя и догадывается: да ведь он в лыжных брюках, не успел переодеться в спешке! У него колючие, обросшие щеки. Она

просто не желает узнавать его в присутствии своих нарядных знакомых.

Лидия Ивановна повторяет спокойно:

— Вы к кому?

В это время дверь к начальнику открывается, люди с папками проскальзывают в нее. Бывшие супруги остаются вдвоем. Она — за столом секретаря, профессор — у двери. Они смотрят друг другу в глаза и молчат. Наконец Михаил Семенович говорит:

— Почему ты лжешь? Разве я не исполняю своих обязанностей?

Женщина приподнимается, ее глаза цинично смеются. Лидия Ивановна отвечает, перегнувшись через стол:

— А расписку твой приятель взял? Нет? Тогда как же он докажет, что выполнил твое поручение? Я не видела денег!

Михаил Семенович не верит ушам. А она продолжает настойчиво и зло:

— Не думай, мне не нужны твои деньги! Но ты хочешь забрать сына! Не выйдет! Женька никуда не поедет. Он знает тебе цену. Он даже не пожелал читать записку, в которой ты предлагаешь ему собираться в дорогу. Мой сын велел вернуть ее тебе. На!..

Михаил Семенович стискивает измятое письмо. В нем он рассказал Евгению о целях экспедиции, о том, как много от нее ждет... Оказывается, сын даже не захотел прочесть!

Профессор уходит. Ему больше не о чем говорить с бывшей супругой. Он даже не спрашивает о самом главном, о том, как могло получиться, что Женя подписал лживое заявление.

Лидия Ивановна облегченно вздыхает. Слава богу, муженек, кажется, не видел заявления. Иначе мог бы узнать ее руку в подписи Жени.

Ремизов входит в знакомый подъезд. Еще в студенческие годы он часто приходил сюда. В небольшой уютной квартирке его товарища Федора молодые археологи ночи напролет беседовали о прочитанном. Сколько потом объездили вдвоем, как много видели! Федор теперь на пенсии, но решил поехать вместе с Ремизовым и даже пожертвовал на поездку скопленные деньги.

Михаил Семенович нажимает кнопку звонка. Но за дверью тихо. Второй звонок, третий. Выходит старая соседка. Смотрит на гостя испуганно:

— А Федора Степановича только что увезли в больницу.

— В больницу? — растерянно переспрашивает Михаил Семенович. — Как же? Ведь мы должны ехать! — Но тут же понимает, что говорит глупость, и с тревогой спрашивает:

— Что, что с ним?

Соседка пожимает плечами:

— Был без сознания, сердечный припадок. Доктор сказал: «Плохо».

Михаил Семенович, понурившись, выходит на улицу. Еще и это! Вспоминается насмешливая фраза Лидии:

— Ты неудачник. Все, что ты делаешь, обречено на провал!

Кто-то окликает его. Третий участник задуманной поездки — Петр Петрович Яковлев кричит, задыхаясь:

— Подождите, Михаил Семенович! Я из больницы. Давно ишу вас. Что же делать? Откладывать поездку?

— Нет! — подумав, твердо отвечает Михаил Семенович. — Сам Федор не разрешил бы отступать. Мы едем вдвоем.

— Тогда уж втроем, — подхватывает Яковлев. — Нашелся помощник!

— Кто? — оживившись, спрашивает Михаил Семенович.

— Его фамилия Коцарь. Он уже работал в экспедициях.

— Где вы нашли его? И как он согласился ехать так далеко? Заработок небольшой. Это обычно отпугивает людей.

— У него были какие-то неприятности с правосудием, — поясняет Яковлев. — Кого-то стукнул, что-ли... Надо человеку устроиться.

Михаил Семенович машинально кивает. Какая разница, в конце концов. А третий очень нужен.

Не сговариваясь, они поворачивают на ту улицу, где находится больница. Теперь оба думают только о Федоре. Как-то он там, старый дружище?

4. ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО

Рабочий станкостроительного завода Семен Чистов проснулся ночью от странного ощущения: будто на него кто-то смотрит. Он сел на кровати, прислушался. Рядом раздавалось ровное дыхание жены. Вдруг возле буфета мелькнула тень.

— Кто там! — тревожно спросил Чистов.

Ответа не последовало. Громко скрипнула половица. Чистов вскочил, и тут же раздался выстрел. Вспышка на мгновение озарила стену. Чистов упал. Хлопнула дверь на лестницу, лязгнул замок, прозвучали торопливые шаги, и все стихло. Жена судорожно шарила по стене, отыскивая выключатель. Лампа осветила неподвижное тело, пятно крови, проступившее на рубашке.

— Семен! — отчаянно крикнула женщина.

Чистов не ответил. Он был мертв. Женщина хотела бежать, позвать соседей, но дверь оказалась запертой на ключ. Чистова распахнула окно, позвала на помощь. Постовой милиционер вызвал оперативных работников. Они взяли понятых и взломали дверь: ключ убийца унес с собой.

Об этом рассказал Ване Андрей Ковров, разбудив его на рассвете, через несколько часов после того, как они расстались возле театра.

— Решил заехать за тобой, — говорил Ковров. — Ты ведь Чистова должен знать: он у вас на заводе работал в сборочном цехе. Понимаешь, странно — ничего из вещей не пропало. За что же убили? Ты должен нам помочь. Нужно узнать, с кем он дружил на заводе, с кем ссорился. Это очень важно! Привлечь своих бригадильцев.

Чисто выбритое лицо Коврова было хмурым. На первый взгляд он казался не старше Вани, и только густая сеть морщин под серыми пристальными глазами выдавала, что этот человек успел много пережить.

«Чистов, — напряженно размышлял Ваня, — такой невысокий, немного угрюмый. Пел как будто еще. Жена у него все болела, дочка раз прибегала с работы его вызывать...».

— Что-то не припомню, чтобы у Чистова враги были, — неуверенно сказал Ваня. — Непьющий, серьезный, скромный такой. Впрочем, поговорить надо с ребятами.

— Только побыстрее, — предупредил Ковров, — собери утром бригадильцев и приходите в отделение. А сейчас, если хочешь, поехали вместе на квартиру, где произошло убийство.

Возле дома стояли две машины: в одной из них ждали Коврова медицинский эксперт, фотограф и несколько оперативных работников. Во второй сидел проводник с огромным серым псом-ищейкой Диком.

... Чистов лежал в том же положении, в каком его застигла смерть. Собака, натягивая поводок, остановилась у порога. Она плотно прижала уши и водила мордой, обнюхивая воздух.

— Сидеть! — негромко сказал проводник, и овчарка села у порога.

Жена убитого, немолодая женщина с распухшим от слез лицом, была в таком состоянии, что с трудом понимала обращенные к ней вопросы. ...Да, это случилось под утро.

Сколько было бандитов, не заметила. ... Нет, из вещей, кажется, ничего не взято.

Осматривая квартиру, Ковров зашел в кухню. Там он заметил следы, оставленные грязными сапогами.

— Вы совершенно точно знаете, что ничего не пропало? — осведомился он у вдовы.

— Мама, а где банки с маслом? — спросила вдруг девятилетняя Леночка.

Ковров и эксперт переглянулись. Нагнувшись, Андрей стал рассматривать следы. В коридоре они исчезали, но на лестничной площадке вновь появились и вели на чердак. Оперативные работники открыли обитую железом дверь и сразу заметили две большие банки, которые стояли на виду у чердачного окна. Ковров, Ваня и сотрудник научно-технического отдела Алексеев осторожно приблизились к банкам. Алексеев вынул из кармана маленький пульверизатор. Через секунду поверхность банки была покрыта ровным слоем химической пыли. На гладкой поверхности проступил отпечаток большого пальца.

— Ага, — не удержавшись, с удовлетворением сказал Ковров. — Это уже кое-что!

Потом они спустились вниз, и Андрей стал внимательно осматривать ступени, ведущие во двор, но никаких следов больше не обнаружил. Тогда он попросил проводника пускать по следу Дика. Пес метнулся было к лестнице, но тут же остановился и выжидающе посмотрел на проводника.

— Ищи! — нетерпеливо приказал тот.

Дик не пошел на лестницу, а вернулся обратно в комнату, сел возле убитого и коротко, отрывисто гавкнул. Работники милиции недоуменно переглянулись. Ковров спросил проводника:

— Он не лугает, ваш пес?

— Это Дик-то? — проводник обиженно передернул плечами. — Да он специалист высшего класса. Восемьдесят за-

держаний. Не понимаю вашего вопроса, товарищ старший лейтенант!

Ковров кивнул Ване:

— Ну, тебе, пожалуй, здесь больше делать нечего. Помоги банки в отдел доставить...

— И зачем им это масло понадобилось? — пожал плечами Алексеев, садясь в машину. Затем он погрузился в молчание, которое Ваня не решился прервать, хотя его раздражало любопытство.

В квартире убитого остались Ковров, два оперативных работника и эксперт, заканчивавший все формальности, связанные с осмотром и отправкой тела.

Андрей вызвал старушку-дворничиху. Захлебываясь от волнения, та затараторила:

— Около двух часов ночи проснулась я, бок заболел. Подошла к окну лекарство взять. Гляжу, кто-то бежит по двору — высокий такой, незнакомый. Луна стояла светлая, словно день на дворе. Кабы показали мне, узнала бы его сразу...

В дверь раздался стук, и тут же, не ожидая приглашения, вошла девушка. Ковров, нахмурившись, взглянул на нее. Белокурая, с чуть накрашенными губами.

— Вы просили явиться всех сотрудников домоуправления, — заговорила она. — Вот я, значит, и пришла. Я живу в большом доме напротив, а работаю делопроизводителем. Моя фамилия Филатова. Мой долг рассказать все, что я видела.

— А что вы видели? — насторожился Ковров.

Девушка как будто ждала этого вопроса:

— Человека. Бежал по двору.

— В какое время?

Она чуточку помедлила:

— Кажется, во втором часу ночи.

— Как он выглядел?

— Лица не рассматрела. Маленький такой, прихрамывает, руками размахивает и сверток какой-то под мышкой был...

— Ничего себе, маленький! — перебила дворничиха, — наоборот, высокий...

— Вы свободны, гражданка Иванова, — мягко прервал ее Ковров. Старушка ушла.

А Филатова, указывая в окно, откуда был виден двор, говорила:

— Он подбежал к флигелю и минуты две копался у стены. Я не заметила, что он делал. Тогда меня это не заинтересовало....

— Что же вы не спите так поздно? — шутливо спросил Андрей.

Девушка вспыхнула:

— Я... Дело в том, что...

Ковров, внимательно посмотрев на нее, опустил глаза:

— Спасибо за сообщение, гражданка. Вы свободны.

— Больше ничего не потребуется? — улыбнулась свидетельница.

— Если будет нужно, мы вас вызовем! — ответил Андрей и встал.

Когда за Филатовой закрылась дверь, Ковров кивнул одному из сотрудников:

— Придется осмотреть флигель!

Через несколько минут тот возвратился и подал старшему лейтенанту небольшой черный пистолет.

— Неужели так прямо и лежал на поверхности? — удивился Андрей.

— Закопали, да неглубоко. В спешке, видно. Чуть-чуть присыпали. Долго искать не пришлось... Трофейный.

Ковров и его помощники отправились во флигель.

Открыл им низкорослый, приземистый человек с непомерно длинными руками, назвавший себя шофером первого таксомоторного парка Киреевым. Услышав просьбу показать комнату, он, прихрамывая, повел их за собой. Киреев, видимо, очень испугался. Ковров заметил, что у него дрожат руки.

— Когда вы сегодня вернулись домой? — спросил Андрей.

— Да вроде во втором часу.

— На чем приехали?

— Гражданин следовательно, — шофер покраснел, — поверьте, это в первый раз я казенную машину домой пригнал. Решил на собственном такси подъехать, часок отдохнуть, а потом опять на линию, к ночному поезду. Я знаю, что не положено... Честное слово даю — больше не повторится!

— Значит, на казенной машине катаетесь? Нехорошо! — строго сказал Ковров. — Как же это? Вас ведь уволят, если узнают.

— Пассажир попался веселый, гражданин начальник,— Киреев еще сильнее смутился,— ну и... выпить заставил. А я побоялся выезжать на линию выпивши. Недавно освободился, три года имел за аварию...

— Вот как! Значит из заключения? — задумчиво протянул Ковров.

Киреев кивнул и потоптался на месте.

— Ну, что же,— сказал Андрей,— придется вас задержать.

Шофер хотел что-то возразить, но потом молча потянулся к стене и снял пальто. Он захватил с полки несколько пачек папирос и аккуратно воткнул в козырек кепки иголку. Оперативные работники переглянулись, один другому шепнул:

— Гляди-ка! Бывалый!

Через полчаса после возвращения с места происшествия эксперт положил на стол Коврова дактилоскопическую карту Киреева и снимок отпечатка на банке. Сотрудники уголовного розыска наклонились над столом, изучая снимки.

— Ничего похожего! — вздохнул Ковров.— Загадка!..

Работник научно-технического отдела Алексеев, особенно пристально разглядывавший снимок отпечатка на банке, внезапно засуетился, раскрыл планшет, вынул еще какой-то снимок и присвистнул.

— А вы знаете,— сказал он возбужденно,— отпечаток на банке принадлежит самому Чистову!

Все замолчали.

5. „ЗИНУ УВЕЛ МИЛИЦИОНЕР“

— Так кто же? — Андрей Ковров полузакрыв глаза.

— На заводе мы пока ничего не узнали,— озабоченно говорил Ваня.— Чистов, оказывается, был очень замкнутым, нелюдимым, друзей не имел. Никто про него ничего не знает!

Андрей молчал. По его лицу было видно, что он скорее обращался к самому себе, чем к Ване. В дверь постучали. Вошел дежурный:

— К вам гражданка, которую вызывали, товарищ старший лейтенант!

И сразу Ваня увидел другого Коврова. Лицо стало сосредоточенным, строгим, внимательным. Он выпрямился на стуле, застегнул воротник кителя.

— Здравствуйте,— несмело сказала появившаяся на пороге девушка.— Вы просили меня принести домовую книгу. Вот она.

— Отлично,— отозвался Ковров.

Ваня услышал знакомую нотку в его голосе: так Андрей говорит всегда, когда мысленно решает трудную задачу. Ваня взглянул на девушку. Ему вдруг показалось, что они раньше встречались. Но где? Он не мог припомнить... Перелистывая книгу, Ковров продолжал бесстрастным тоном:

— Когда же Чистов прописался? Ага! В 1947 году. Он и женился в это время.

— Как на завод поступил, через месяц,— с готовностью подтвердила Филатова.— Меня самой здесь не было, управдом рассказывал.

Она вдруг добавила жалобно:

— Вы Киреева-то не выпускайте, а то прямо спать страшно. Того и гляди что-нибудь случится!

— Не выпустим,— заверил Андрей.— Будьте спокойны.

— Так, значит, Киреев?— с надеждой спросил Ваня, когда девушка ушла.

— При чем тут Киреев,— с досадой буркнул Андрей.

— Ты же сказал — «не выпустим»,— удивился Ваня.

Ковров промолчал, перебирая на столе бумаги.

— Он подозрительный,— убежденно сказал Ваня,— лицо какое-то... не такое! И судился...

— Чепуха, брат! — вздохнул Андрей.— Киреева мы отпустили. По нашей просьбе он сегодня же уезжает в отпуск к матери в деревню. Но об этом никто не должен знать.

— Пусть все думают, что он арестован, так, что ли?

— Так,— кивнул Ковров.— Надо, чтобы кое-кто успокоился. Киреев — честный парень. Все подтвердилось, что он рассказал. Мы разыскали пассажира, который его угощал.

— А девушку эту я где-то видел,— вдруг уверенно перебил Ваня.— Только не помню где.

— Вот это ты постарайся вспомнить! — уже опять новым, сосредоточенным тоном сказал Андрей.— Интересная девушка.

Отпустив Ваню, Ковров задумался. Трудное дело, запутанное. Убили человека, а за что? Кто?.. Он устало потянулся, взъерошил густые черные волосы. Хорошо бы

сегодня с Зиной в кино пойти, да разве вырвешься? А может все-таки попробовать? Он посмотрел на часы. В девять начинается его дежурство, сейчас шесть. Успеет.

Эх, Зина! Когда же мы поженимся? Все обещают квартиру, да дом никак не достроят. Не в общежитие же брать молодую жену. Зинина мать приглашает к себе, но Андрей не хочет. Начинать жизнь надо вдвоем. Зачем стеснять всех: мать, Ваню, младших сестер? Хороший брат у Зины. Андрей уже давно считает его своим братом. Внимательный, сдержанный, с чистой, светлой душой! А работник какой замечательный! На заводе о нем говорят: «Золотые руки». И еще учиться успевает...

Андрей снял телефонную трубку и нетерпеливо набрал знакомый номер. Он ждал, что подойдет Зина, но раздался глуховатый голос Веры Ивановны, старшей машинистки.

— Здравствуйте, Вера Ивановна! — как можно приветливее сказал Андрей, хотя недолюбливал эту полную, крикливую женщину, которая словно назло частенько задерживала Зину по вечерам. — Попросите, пожалуйста, Зину.

Собеседница молчала.

— Вы меня слышите? — Ковров подул в трубку. Вера Ивановна громко всхлипнула:

— А Зину увел милиционер!

— Что-о? — вскочил Андрей.

— На допрос. У нас в институте произошли жуткие события. По телефону невозможно.

Андрей бросил трубку и, на ходу влезая в рукава пальто, кинулся к выходу...

6. „ЕРШ“

Женя получил стипендию. Он был рад, что сможет расчитаться с Толиком. Этот долг его тяготил. Женя тщательно пересчитал деньги. Сто рублей Толику, сто — матери на питание, а на остальные семьдесят рублей надо купить новую рубашку. Он заметил, как недавно Надя кинула быстрый взгляд на его обтрепанный воротничок. Впрочем, может быть, просто показалось?

Женя долго ждал Толика во дворе, а потом решил зайти к нему домой. Когда-то здесь была домовая прачечная, но ее переоборудовали, и получилась отдельная квар-

тира, состоящая из комнаты и кухни. Женя вошел в кухню и с любопытством огляделся. Он был здесь впервые.

— Обещал скоро прийти,— сказала мать Толика, тетя Маша, как звали ее во дворе. Она стояла перед ним в вылинявшем платье. Седые волосы были аккуратно заплетены в тонкие косички, заколотые на затылке узлом. Женя попросил:

— Можно я погляжу, какие книги у Толика?

— Заперта комната-то, — она отвела взгляд. — Толик не любит, когда ходят туда. И ключ с собой берет.

— А как же вы? — вырвалось у Жени.

— Тут я, — она потупилась. — В кухне и живу... Что мне надо-то?

Жене стало не по себе. Он уже хотел уйти, но дверь открылась и вошел Толик. В распахнутом пальто, с ярким шарфом на шее, он выглядел красивым, радостным. Он приблизился к Жене, подмигнул, и тот явственно ощутил запах вина. Мать почти подбежала к сыну, он скинул ей на руки пальто и сказал покровительно:

— На-ка полсотни! Небось, опять денег нет.

— У вас получка? — робко спросила мать, разглядывая шарф. — Новый купил?

— Лезешь всегда! — грубо отрезал Толик, ничуть не стесняясь гостя. — А ну-ка, Женька, пошли ко мне.

Он отпер дверь, и Женя очутился в небольшой холостяцкой комнате. Там стояла узкая железная койка, покрытая неожиданно пестрым шелковым одеялом, висели картинки на стенах, на столе — наполовину опорожненная бутылка водки и графин с пивом. Женя торопливо вынул из кармана деньги:

— Спасибо; Толик, выручил.

Толик внимательно посмотрел на протянутую сторублевку:

— Должок, значит? А ты мне и не должен!

— Как не должен? — не понял Женя.

— А ты садись, садись, чего стоишь! — добродушно сказал Толик. — Вот меня что интересует. Ну, получил ты эту стипендию, мне отдашь, а себе что?

— Сто рублей маме, — сказал Женя с неудовольствием. Какое, собственно, Толику дело до его денег? — Ну, рубашку еще куплю... А мелочь останется на завтраки.

— Богато живешь! — издевался Толик. — Мать-то твоя поумнее!

— Брось о матери...

— Ладно, не кипятись,— успокоил Толик.— Это я так. А насчет долга — мы с тобой в расчете. Тут, наоборот, еще за мной осталась кое-какая мелочь.

Он достал две бумажки по пятьдесят рублей. Потом порылся в карманах и вытащил еще сторублевку.

— Вот твоя доля.

— Какая доля? — отступил Женья. — Что ты болтаешь?

Глаза Толика сразу стали злыми, потемнели.

— Не строй из себя! — сказал он резко.— Про часы был разговор? Или позабыл?

Неожиданно Женья вспомнил, что в институте слышал о краже директорских часов. Зину, которая в тот вечер допоздна печатала в приемной директора, вызывали в милицию на допрос. Он сам видел покрасневшие глаза Зины, Ваниной сестры, и хотел даже забежать к Ване, да вспомнил, что между ними нелады.

— Это ты украл? — испуганно спросил Женья.

— Нет! Мы с тобой!

— А причем тут я?

— Ха! Интересно! Кто же мне наводку дал? — цинично сказал Толик.— Без наводчика — труба!

И Женья ясно вспомнил весь разговор в подъезде. Разве он тогда придал ему значение? А вот сейчас Толик говорит страшные вещи. Говорит прямо, неприкрыто, как о самом обыкновенном...

Толик тем временем шагнул к нему и ловко положил деньги в верхний карман Жениного пиджака.

— Возьми!

— Я ни при чем! Не путай меня! — Женья в отчаянии отталкивал его руку.

— Что мне тебя путать? Ты, между прочим, теперь и так запутанный,— спокойно ответил Толик.— Понимаешь, тут одна беда вышла... Ты уж меня извини... Не доглядел я... Давай сперва выпьем, потом я тебе расскажу...

Женья отодвинул налитый доверху стакан, но вдруг ему стало так горько, что захотелось чем-то оглушить себя. Он выпил водку залпом, поперхнулся и покорно принял из рук Толика стакан, наполненный пенящимся пивом. А Толик продолжал непринужденно:

— Помнишь, я у тебя расческу брал причесываться и отдать забыл? Так я ее там выронил, в кабинете. Если

тебя будут вызывать, допрашивать — молчи. Говори: потерял, мол, на улице.

Женя взял со стола шапку и, не отвечая Толику, пошел к двери. Мысли его путались.

— Дома тебе лучше не ночевать несколько дней, — заботливо говорил Толик, закрывая за ним дверь. — Деньги-то не вырони из кармана. И помни, я тебе друг! В случае чего — прямо ко мне!

Женя, не помня себя, взбежал по лестнице. Сейчас он расскажет все матери. Она должна понять его. Ведь только недавно она стала такой равнодушной, всегда так любила его! Так нежно говорила ему: «Маленький мой, сын мой!» Они поймут друг друга, мать прогонит своего Георгия Аристарховича, Женя помирит ее с отцом, им станет опять легко... Мысли неслись в беспорядке, путаясь. И вдруг он остановился. Этого ничего не будет: ни теплого разговора, ни примирения. Его просто-напросто арестуют. Придут из милиции и скажут: «Собирайтесь». Исключат из института, из комсомола. И Надя узнает обо всем.

Нет, он лучше пойдет к отцу, конечно, к отцу! Отец возьмет его с собой в экспедицию, ведь он же обещал! Пусть тогда найдут его в горах Ала-Тау. Он как-то смотрел в энциклопедии. По-киргизски это означает: «Пестрые горы».

Женя, запыхавшись, добежал до знакомого дома, постучал.

— Войдите! — сказал родной голос.

Юноша кинулся к отцу, готовый заплакать. Михаил Семенович смотрел на него и видел перед собой пьяного парня с безумными глазами и мокрым лбом. Еще и пить начал! Как он смел явиться сюда в таком виде!

— Уходи! — сказал Михаил Семенович и шагнул навстречу сыну. — Уходи, слышишь?

Женя всхлипнул, хотел что-то сказать, но вдруг повернулся и выбежал на улицу. Прохожие удивленно глядели ему вслед.

7. РАСЧЕСКА

Ваня вымыл руки и, аккуратно нарезая ломтиками хлеб, думал о девушке, которая приходила к Андрею. Круглое, свежее лицо, полные руки, смелый взгляд, ее жест, когда она положила на стол домовую книгу, внимательное выражение глаз.

— Где же все-таки я ее видел? — вслух подумал Ваня. Екатерина Павловна пристально взглянула на сына, он поспешно глотал горячий суп.

— Не торопись! — засмеялась мать. — Вижу, голова чем-то у тебя опять занята.

— Верно, мать! — вздохнул Ваня.

Он взглянул на часы. Можно немного отдохнуть. Ваня снял со стены гитару, лег на диван и стал медленно перебирать струны.

Кто же она, где он видел эти необычные зеленые глаза? И вдруг вспомнил. Да, конечно, это была она! В красном шелковом платье, с обнаженными белыми руками она испуганно успокаивала какого-то пьяного мужчину с багровым бессмысленным лицом. Это происходило в ресторане «Нарва». Официант, как понял Ваня, требовал у пьяного мужчины деньги: тот не хотел платить.

— Украли! — кричал он пронзительно. — Вы тут все воры, жулики!

— Перестань, Костенька! — быстро говорила она, и в глазах ее блеснули слезы. Она в замешательстве объясняла официанту и окружающим:

— Не понимаю, куда он дел деньги... Наверное вырвал! Это мой друг, друг детства... Много лет не виделись... И вот, какой скандал, как неприятно!

А мужчина в залитом вином дорогом костюме кричал все громче и с размаху швырял на пол рюмки. Ваня, вызванный в ресторан вместе с другими бригадмильцами, чтобы помочь прекратить скандал, глядел на эту девушку и почему-то не решался подойти к ней и попросить выйти из зала. Ошеломленная, заплаканная, она была так привлекательна. Вот она повернула голову, и Ваня увидел нежный профиль и трогательную голубую жилку на шее...

Они привели в милицию ее и пьяного мужчину. Остальное Вани не касалось. Уходя, в дверях он столкнулся с высоким широкоплечим парнем. Тот спросил мягко:

— Почему девчонку взяли?

— А вам что? — оглядел его Ваня.

— Знакомая девчонка, — парень широко улыбнулся. — Попала в переplet. Если надо, я внесу деньги за ужин.

— Идите к начальнику, — с участием сказал Ваня. — Он разберется. Что же вы ее одну оставили с этим типом?

— А я вышел на минутку другу позвонить. Без меня все и произошло...

Парень пошел к дежурному. Ване стало приятно, что у этой девушки нашелся товарищ, который уведет ее отсюда, скажет о ней доброе слово...

В дверь постучали. Вошел Андрей. Он хмуро поздоровался и спросил:

— Зины еще нет?

— На работе, наверное,— ответил Ваня.

Андрей огляделся и, увидев, что Екатерины Павловны нет, вполголоса сообщил:

— В милицию ее вызвали!

— Ты что? — приподнялся Ваня.

— Часы дорогие у них там украли. Я думал, она уже домой пришла...

Едва он успел это сказать, как в комнату влетела Зина, в синем пальто и вязаной шапочке, из-под которой виднелись белокурые косы. Она была очень похожа на Ваню и в то же время совсем другая — тоньше, нежнее, с добрыми, шаловливыми глазами. Зина села на стул и, не раздеваясь, заспешила:

— Ой, что было! Целый день не работала... Пришла, а меня уже милиционер дожидается. Вы, говорит, печатали вчера в приемной? Часа два допрашивали!

Зина побежала к себе за занавеску и оттуда продолжала говорить звонким, веселым голосом. Вышла она в комнату уже старательно причесанная, в новом платье. От нее пахло духами.

— А мамы нет? В магазине? Да! Мальчики,— спохватилась она,— что я нашла в приемной на полу! Улика! Ей-богу! А я забыла про нее сказать милиционерам. Гляди, Ваня,— в руках она держала узкую расческу с металлическим светлым ободком.

— Снести надо в отделение,— деловито заметил Андрей. Но Ваня протянул руку:

— Ну-ка, дай сюда.

Он долго, очень долго вертел в руках расческу. Андрей и Зина отошли к окну и о чем-то шепотом переговаривались, забыв о Ване. Потом Зина спросила:

— Ты пойдешь с нами в кино?

— Нет,— сказал Ваня отрывисто, продолжая разглядывать расческу. Подойдя к нему, Зина хотела ее взять, но брат, не поднимая глаз, сказал:

— Я сам отнесу куда надо.

— Ну и хорошо! — обрадовалась девушка.

Андрей уже держал в руках ее пальто. Она всунула руки в рукава, накинула белый платок, подарок брата, и оба скрылись.

Ваня снова вынул из кармана расческу. Конечно, это Женькина. Ваня сам приделал к ней этот светлый металлический ободок. Как очутилась эта расческа на месте преступления? Ведь нельзя и предположить, что Женька причастен к краже. Но если эта вещь попадет к следователю?.. Вот раззява! Карманы у него дырявые, что-ли? Что же делать? Разумеется, Ваня должен отнести расческу в милицию. Он же понимает — это улика, и он, бригадмилец, обязан выполнить свой долг. Но нужно сначала предупредить Женю и спросить, где тот ее потерял.

Открыла двери Ване Лидия Ивановна. Она заявила, что вчера ее сын пьяный ввалился домой и до сих пор спит.

— Я ухожу, а вы с ним побеседуйте. Не пойму, кто на него так влияет. Товарищи, верно, — многозначительно взглянув на Ваню, закончила она.

Ваня дождался, пока хлопнула дверь, и тронул друга за плечо. Женя открыл глаза. Они были еще красные и мутные.

— Напился? — сердито спросил Ваня и, вздохнув, добавил: — Хорош!

Женя молчал. Какое ему дело? Все учат, учат... Надоело!

— Пойдем, прогуляемся. Ситро выпьем! — Ваня безжалостно тянул с Жени одеяло.

— Ну, будет тебе! Оставь... — юноша, ворча, оделся.

— С радости пьешь или как? — поинтересовался Ваня уже на улице и вдруг смолк. Навстречу им шел начальник отделения милиции Осипов. Он подозвал Ваню, и они начали о чем-то оживленно говорить. До Жени донеслось:

— А это тоже бригадмилец?

Осипов смотрел на Женю в упор, и от этого взгляда парню стало не по себе. Он не слышал, что ответил Ваня. Он круто повернулся и пошел вперед без цели, без направления.

— Куда ты? — догнал его Ваня. — Обождать не мог?

— Оказывается, ты с милицией дружишь? — гневно сказал Женя. — А от меня скрывал, что бригадмилец! С милиционерами связался. Еще форму надень.

— Эх, ты, — сказал Ваня с сожалением. — А ведь я тебя умным считал, уважал. С чьего голоса поешь?

Женя почувствовал в его тоне непривычные презрительные нотки, ему стало стыдно и больно, от этого он еще больше разозлился и, подогревая себя, выкрикнул:

— Низкое занятие — за людьми следить. Может, ты и за мной следить будешь?

— Дурак! — ответил Ваня и пошел напрямик через площадь. Он шел и видел перед собой мятое после пьянки лицо Жени, чувствовал запах перегара. Что случилось с ним, где он был вчера? Почему вдруг такая ненависть к милиции? Ваня почти бежал, взволнованный и опечаленный, так ни о чем и не спросив друга. Женькина расческа с металлическим ободком лежала у него в кармане.

8. ПЛОМБИР „МЕЛЬБА“

Кем оказался его лучший друг? Милиционером! Эта мысль жгла Женю. А он-то хотел с ним посоветоваться. Вот так всегда: случится беда и нет никого рядом. Мать? О ней и говорить не стоит. Как она его вчера встретила, не хотела пускать в квартиру: «Ночуй на лестнице». Соседи выглядывали из дверей... Хоть бы спросила, почему напился, что с ним? И отец прогнал его. Но разве может человек один носить в себе такое... Надя! Конечно, Надя! Как он о ней не вспомнил сразу! Она поймет, почему он выпил и посоветует, как разделаться с Толиком. Но где же он ее найдет? Домой к ней идти нельзя, да он и не знает адреса. На какой улице находится Надин экономический институт? Впрочем, это можно узнать в справочном бюро.

Через полчаса Женя уже поднимался по лестнице просторного институтского здания. Был перерыв между лекциями, и студенты группами бродили по коридорам, шутили, смеялись. Надя сразу увидела неуверенную фигуру на лестничной площадке.

— Женя! — подбежала она к нему. — Ты ко мне?

— Ты мне так нужна! — глухо сказал Женя, и в глазах его Надя увидела растерянность. Она хотела сказать, что сейчас у них будет интересная лекция, что она не может уйти, но это незнакомое выражение в его глазах заставило ее проговорить поспешно:

— Я сейчас! Я только возьму портфель.

Женя тихонько спускался по лестнице. Что же он ей скажет? Что он указал дорогу Толику? Что он взял у него

ворованные деньги? Да и стоит ли самому на себя наговаривать? Все это как-нибудь обойдется, и тогда он окажется таким дураком! Нет! Он не скажет ей ничего... Надя уже шла рядом и говорила встревоженно:

— Что-нибудь случилось, Женья?

— С чего ты взяла?

Надя посмотрела на него. Спокойное лицо, и улыбка такая же, как прежде.

— Мне показалось...— начала она неуверенно.

— Просто захотел пойти с тобой сегодня куда-нибудь.

Женья взял ее под руку.

— Такая лекция пропадает! — смеялась Надя.—А я-то думала, что-нибудь важное.

Женья увидел зеленый огонек такси и торопливо поднял руку. Машина остановилась. Удивленная Надя молча залезла в кабину. Женья галантно придержал дверцу, опустился на сиденье и небрежно бросил шоферу:

— В «Арагви»!

Он и сам не знал, откуда у него взялся этот тон, эта уверенность бывалого человека. У него возникло такое чувство, будто он летит на лыжах вниз с горы: сейчас прыгнет, а куда — неизвестно... Надя сказала испуганным шепотом, косясь на счетчик:

— У тебя хватит денег?

Он молча вытащил из кармана триста рублей и показал ей. Она сказала с уважением:

— Ух, ты!

— Папа дал. Мы уезжаем! — заторопился Женья.— Знаешь, он берет меня в экспедицию. Там чудесно, в Ала-Тау. Конечно, и опасно, обвалы бывают, да и вообще нелегко найти исчезнувший город!

— Исчезнувший город! — мечтательно повторила Надя.— Как интересно, Женья!

А Женья, не зная зачѐм, с воодушевлением врал. Все свое заветное, ночами передуманное рассказывал он сейчас любимой девушке. Он чувствовал себя сильным, чистым, настоящим. Нет и не было Толика, нет и не было кражи в институте, скандала на лестнице, ссоры с Ваней...

В ресторане, где Надя была впервые, обоим стало не по себе. Они робко прошли по залу, и Женья, теряя уверенность, выбрал самый дальний столик. Но Надя не заметила его смущения, потому что сама растерялась. К ним подошел важный, строгий, похожий на профессора офи-

циант и скучаяще глядел куда-то вверх, пока они разбились в карточке, где было обозначено столько незнакомых блюд. Потом вдруг он, сжавшись над ними, посоветовал:

— Купаты возьмите и шашлык, ну, а на холодное сациви. И, конечно, цинандали.

Женя покорно подтвердил заказ, и тогда Надя, осмелев, спросила:

— А мороженое? У вас есть мороженое?

— Пломбир «Мельба», — безапелляционно уточнил официант.

Они ели сациви, которое оказалось просто курицей, политой белым острым соусом, а купаты были как недожаренные котлеты. Зато шашлык пах дымом и напоминал о костре где-нибудь под обрывом и о снеговых вершинах Пестрых гор... От вина у Жени горели щеки, а Надя только пригубила бокал и отодвинула. Зато «Мельбе» оба уделили полное внимание. Это был круглый ком мороженого, ошестинившийся, как еж, бисквитными иголками. Женя чувствовал, что у него кружится голова, но это было теперь приятно, не так, как тогда у Толика. Он расплатился и положил лишние пять рублей на скатерть. Ему было стыдно давать на чай, но строгий официант не обиделся, а, наоборот, расплылся в улыбке.

Когда они вышли, Надя сказала тревожно:

— Ты истратил почти половину денег! Папа будет сердиться.

— При чем тут папа? Я тебе все наврал! — сказал Женя с пьяным отчаянием.

— Женя! Я же говорила тебе — не пей вина! — Надя поглядела на него с упреком.

— Я не пьян. Не пьян! — упрямо повторил Женя. — Я хочу сказать тебе всю правду, понимаешь? Затем и пришел. Ты могла бы полюбить человека, который, ну, например, замешан в воровстве?

— Я не хочу тебя слушать, ты испортил все! А как хорошо было... Сам не знаешь, что говоришь! — рассердилась Надя. — Хочешь нарочно позлить меня, да? Или испытываешь? Меня не нужно испытывать...

— Так вот, — продолжал, не слушая ее, Женя. — Ты должна знать. Я ни в чем не виноват, я честный... Но завтра меня могут арестовать!

— Ой! — прошептала Надя. — А что же ты сделал?

И Женя, путаясь в словах, рассказал ей все: и про часы, и про расческу, и про то, что истратил ворованные деньги. Она выслушала его молча, потом сказала:

— Я верю тебе... Но теперь простимся. А завтра увидимся. Сейчас я больше не могу, я... боюсь!

Она пожала ему руку и побежала вперед. Потом обернулась, увидела его сгорбленные плечи и унылое лицо. Она возвратилась и, не обращая внимания на прохожих, первый раз в жизни поцеловала его прямо в губы. Ошеломленный Женя услышал торопливый шепот:

— Завтра в семь у Пушкина...

9. РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

У заводских ворот Ваню ждал встревоженный Юрка Горин. Этого двадцатилетнего парня любили в цехе. Он вечно что-нибудь изобретал, совершенствовал, придумывал. А бригадмилем стал потому, что увлекался всем таинственным. Юрка сказал Ване взволнованно:

— Неприятности!

— В чем дело? В цехе что-нибудь?

— Другое! — отмахнулся Юрка. — Мы пошли вчера, как ты говорил, по общежитиям насчет Чистова разузнавать. А во втором корпусе нас знаешь, как встретили! Сначала обступили: «Что? Как? Почему?». Мы, конечно, помалкиваем, не выдавать же секрет! Спрашиваем только — кто с Чистовым дружил, с кем он в пивную ходил, с кем ссорился. А нам вместо ответа чуть шею не намылили!

— Ну и правильно бы сделали! — вдруг огорошил Юрку Ваня. — Разве так разговаривают?

Он круто повернулся и вошел в цех. Огорченный Горин поплелся следом. Привычным движением Ваня пустил оба резца. Он следил, как скользит легкая голубоватая стружка и деталь становится тонкой, ровной. Его всегда заново изумляло и радовало чудесное рождение деталей. Они казались Ване живыми, послушными. Но сегодня дело не клеилось: к обеденному перерыву в ящике лежали лишь две... забракованные шестерни. Этого с Ваней не бывало уже давно. Он пытался сосредоточиться, но мысли возвращались к Жене, к злополучной расческе, которую Ваня так никуда и не отдал. Он не мог решиться пойти в милицию. Ведь это значит подвести своего друга. Пусть поссорились. Но разве забывается из-за ссоры старая дружба? Потом он

подумал о нелепой истории в общежитии. Не умеем разговаривать с ребятами. Отпугиваем от себя людей!.. К его станку подбежал Юрка, сказал торопливо:

— Тебя Антон Яковлевич вызывает.

Дождавшись перерыва, Ваня вытер руки и зашагал в заводоуправление. Он шел через широкий двор, обсаженный липами и ясенями, и отвечал на приветствия. Его знали многие. Ведь здесь сорок лет проработал его отец, и Ваня еще мальчишкой приносил ему завтраки в клеенчатой сумке. Когда отец ушел на войну, Ваня оставил школу, потому что надо было кормить семью, и пришел сюда, на место отца. Он был так мал, что мастер велел столярам приготовить специальную подставочку, иначе подросток не мог достать до рукоятки. Такие скамеечки в те дни стояли у многих станков. На смену отцам пришли их вихрастые, озабоченные сыновья. И хотя у них были неумелые руки, они вкладывали столько сердечного огня в свой труд, что все неожиданно получалось, и старый мастер только недоуменно покачивал головой: «Как работают чертенья!»

Редактор многотиражной газеты столкнулся с Ваней на лестнице:

— Твою заметку поместили. Видел?

— А почему убрали то место, где я пишу про главного инженера? — мрачно спросил Ваня.

— Думаешь, критику зажимаем, ссориться боимся? — редактор засмеялся и хлопнул Ваню по плечу. — Да нет, не в этом дело! Просто уже третий раз про главного инженера пишем.

— Ладно, — сказал Ваня и пригрозил шутливо, — но если снова критику выкинешь, про тебя самого напишу.

Катюша, секретарь парторга, встретила Ваню улыбкой. Ей нравился этот всегда спокойный, уравновешенный юноша.

— Тебя уже давно ждет Антон Яковлевич, — сказала она с укоризной, — что же ты опаздываешь?

Ваня открыл дверь. Антон Яковлевич живо обернулся и сразу заговорил деловито:

— Что там произошло в общежитии? Садись.

— Я сам точно не знаю, — Ваня сел в кресло. — Не все нас любят, бригадмилльцев!

— Сами виноваты! — Антон Яковлевич нетерпеливо передернул плечами. — Не умеете романтично о своей работе рассказывать. Это же увлекательная вещь — помо-

гать милиции защищать интересы каждого человека. Что же, Маяковский зря, что ли, писал: «Моя милиция — меня бережет». А вы из всего секреты делаете. Ходите надутые, важные, как Шерлоки Холмсы. Ну, на вас и злятся. И поделом! А вы расскажите ребятам о каком-нибудь интересном случае. Загорятся, сразу помощниками станут. Ведь так и вам работать труднее и коллективу от вашей работы невелика польза. А сколько дел! Не нравится мне, например, настроение у некоторых ребят. В общем, конечно, хорошие у нас хлопцы работают. И все-таки есть и другие, похожие, ну, скажем, на яблоко. Румяное оно, красивое, но где-то крохотный червячок проточил отверстие. Дай волю червячку — от яблока одна кожура останется. А червячки есть! Не видим мы их, не умеем еще бороться с ними по-настоящему. Вот хотя бы случай с Пальцевым!..

Ваня знал эту нашумевшую историю. Егор Пальцев, столяр из модельного цеха, поднял в кино обретенную кем-то сумочку. В ней оказалось около тысячи рублей и паспорт владелицы. Пальцев порвал паспорт, а деньги прокутил в ресторане с друзьями. Этот случай произошел при Валерии Митюхине. Он единственный уговорив Пальцева отдать сумочку в милицию. Когда же Пальцев разорвал паспорт и ушел, Валерий вытащил из урны обрывки, прочел фамилию и разыскал потерпевшую. Женщина пришла на завод, рассказала парторгу о случившемся. На комсомольском собрании друзей Пальцева резко осудили и исключили из комсомола как сообщников бесчестного человека. Самого Пальцева с завода уволили, материал на него передали в милицию.

— И вдруг узнаю я, — прервал ход Ваниных мыслей Антон Яковлевич, — Митюхину этому, Валерию, чуть ли не бойкот объявили в общежитии! Многие разговаривать с ним не желают. Товарища, мол, предал. Доносчик! И что-то не слышал я, чтобы бригадильцы с такими людьми спорили. Стоят в стороне.

Ваня слушал напряженно. Как правильно говорил парторг! Словно его мысли подслушал и ему же передал. Вот и он тоже боится рассказать о Жене. А ведь в Жене уже появилась червоточина. Но как ее найти?

— Словом, — продолжал Антон Яковлевич, — надо больше разговаривать с молодежью о дружбе, о товариществе, о долге. Есть еще у нас и равнодушие. Напился парень, а ему сочувствуют. Ну, ладно, не беда, с кем не бы-

вает! Или, скажем, ударил товарища, завел гадкую драку — опять кругом спокойствие: погорячился, пройдет. Или девушку оскорбил, и опять никто этому значения не придает: в молодости, мол, кто ошибок не делает. А потом, когда попадет такой вот «герой» на скамью подсудимых уже за преступление, все только плечами пожимают: откуда бы это? Кажется, рабочий парень, вырос среди нас, учили его, воспитывали, и вот, на тебе! На самом же деле и не учили, и не воспитывали как следует, ждали, какой он сам вырастет.

— Я это понимаю, чувствую, Антон Яковлевич! Да не знаю, как лучше действовать,— вздохнул Ваня.— Жалеют ребята друг друга...

— Когда друзья жалеть начинают, тут пиши пропало! — сказал парторг.— Настоящая дружба должна быть суровой и честной. А беседы обязательно надо проводить. В цехах, в общежитиях. Подумай об этом.

Ваня вышел из кабинета смятенный. Кое-как он доработал до конца смены, а потом пошел прямо в 49-е отделение милиции, где занимались делом о краже часов. Ваня уже дошел до крыльца, приоткрыл тяжелую коричневую дверь, но вдруг нахмурился и решительно зашагал прочь. Через полчаса он вошел в кабинет Коврова и положил на стол расческу.

— Я хочу рассказать тебе кое-что...

10. ТАИНСТВЕННАЯ ФОТОГРАФИЯ

Два дня Андрей Ковров разбирал бумаги, взятые в квартире Чистова. Его удивляло странное обстоятельство: все справки, письма и прочие документы были написаны позже 1947 года, словно до этого и не жил Чистов на свете.

Ковров пристально разглядывал снимки в двух плюшевых альбомах. И здесь он не нашел старых фотографий! Вот женщина, на которой Чистов женился в 1947 году, вот дочь, вот его друзья по заводу. Вот он запечатлен вместе с группой соседей во дворе. С карточки улыбаются знакомые лица шофера Киреева, старушки-дворничихи. Странно, что в этих альбомах совсем нет снимков, которые обычно, как реликвии, хранятся в любой семье: где дедушка в старом солдатском мундире, бабушка, окруженная детьми, или отец и мать под венцом? Андрей взял голубой конверт и в который раз перечитал присланную ему из Гомеля

справку. Нет, Чистов никогда здесь не проживал. Ковров снова взглянул на анкету убитого — там значилось: родился в Гомеле. Зачем он лгал, что скрывал? Темная история.

Он сначала обрадовался приходу Вани, но тот вдруг заговорил о какой-то расческе. Андрею было не до этого. Он сердито перебил:

— Не мешай мне, пожалуйста! Тащи-ка лучше эту улику в 49-е отделение.

— Ты понимаешь, я ведь на товарища должен донести! — с болью вырвалось у Вани. — А там люди его не знают. Формально подойдут...

— Честно тебе скажу, другим сейчас голова забита! — признался Андрей. — Вторую ночь не сплю... Кстати, не вспомнил ты насчет Филатовой?

— Вспомнил, — хмуро ответил Ваня, огорченный тоном Андрея. — Только вряд ли тебя заинтересует...

Он рассказал Коврову все, что знал, и неожиданно заторопился:

— Мне ведь местком поручил вдове Чистова деньги отнести. Выдали единовременное пособие. Сейчас пойду.

— С Филатовой не обознался ли ты? Не похожа что-то она на такую, которая в ресторанах кутит, — задумчиво протянул Андрей.

— Может быть, и обознался, — ответил Ваня безразлично. — Так как насчет Жени? Подождать? Что ты советуешь?

— Почему? — возразил Андрей. — Отнеси. Пусть там займутся. Да не бойся. Везде советские люди, не съедят твоего Жению. А если в чем виноват — пусть на себя пеняет.

Ваня вышел вконец расстроенный. Нет, не получился с Андреем разговор о Жене. Нескладно как-то все вышло.

Чистовой не оказалось дома. В квартире была одна Леночка. Бледная и грустная, она сидела за столом и делала уроки. Она посмотрела на Ваню и вздрогнула. Ваня понял, что девочка вспомнила. Он ведь был здесь в то утро, когда на полу лежал труп ее отца. Ваня невольно взглянул на это место и заметил, как тщательно выскоблен пол. У него сжалось сердце при виде испуганной девочки. Он сказал:

— Здравствуй! Уроки учишь?

— Да, — тихо ответила Леночка. Она была плохо приче-

сана: светлые косички расплелись, волосы падали на лоб. Измятое ситцевое платице, надетое кое-как, топорщилось, тонкие ручонки были вымазаны чем-то. Перехватив взгляд Вани, девочка потупилась, покраснела и быстро спрятала руки за спину.

— Ты что же, не умывалась сегодня?— спросил Ваня, тут же пожалев, что задал этот вопрос. Понятно, в чем дело: матери сейчас не до Леночки.

— Я бы умылась, да полотенца нет! — виновато ответила девочка.— Папа тогда, как пришел из кухни, долго-долго руки полотенцем вытирал, а потом мама на него заругалась!

— Почему же она заругалась? — машинально спросил гость.

— «Пятен,— говорит,— жирных насажал, теперь стирать придется!». И спрятала полотенце. Вот я и не умывалась.

— Так,— сказал Ваня.— А задачки решила?

— Не понимаю! — пожаловалась Леночка.— Папа раньше помогал. А сейчас такая трудная попалась, никак не выходит!

Ваня присел рядом на диван. Вдвоем они быстро нашли решение. Потом Леночка сказала:

— Теперь по чтению нам задали. Я сейчас достану книжку. Вы послушайте, как я читаю.

Она встала на стул, дотянулась до книжной полки и вытащила учебник. На диван соскользнул плотный белый конверт. Ваня поднял его и хотел было уже положить обратно на полку, но тут ему бросилась в глаза надпись: «Начальнику уголовного розыска». Он раскрыл конверт и увидел небольшой лист бумаги. В правом углу стояла дата: «12 октября 1957 года». Ниже тем же почерком, что и на конверте, было написано: «Считаю своим долгом сообщить о том, что...» На этом запись прерывалась. В конверте лежал также плотный запечатанный пакет. Ваня вскрыл его и увидел старинную фотографию, наклеенную на плотный картон. На снимке, уже выцветшем и пожелтевшем, можно было рассмотреть троих людей. Возле одноэтажного коттеджа стояли высокий мужчина с вьющимися волосами, Чистов с еще совсем юным лицом и молоденькая девушка в легком платье.

— Это папа,— заглянула Леночка Ване через плечо.— Посмотрите, какой молодой!

Ваня глядел на фотографию. Внезапно ему показалось что-то знакомое в облике девушки. Он повернул снимок. На обороте крупным мужским почерком было написано: «15 июня 1938 г. Брест-Литовск». Юноша сунул конверт в карман. Леночка вопросительно поглядела на него.

— Я потом принесу это тебе,— объяснил смущенно Ваня.

— Хорошо,— доверчиво согласилась маленькая хозяйка.

Ваня написал записку Чистовой, оставил на столе деньги и помчался к Андрею.

11. ТЕПЕРЬ ЖЕНЕ ВСЕ РАВНО!

Женя стоял у памятника Пушкину. Напротив, в большом доме, горели огни в окнах, разноцветные, как лампочки на елке: оранжевые, зеленые, лиловые. Абажуры напоминали ему о чужом, незнакомом уюте, о той тихой налаженной жизни, которой не было у Жени. Одно окно светилось изнутри молочно-белым светом. По нему пробежали какие-то неясные тени, и Жене казалось, что там большой, прозрачный аквариум, полный рыб...

Он тряхнул головой. Уж десять, а Нади все нет. Чего он, собственно, ждет? Тогда она, наверно, просто так, из жалости поцеловала его. Пожалела потому, что он расплакался, как мальчишка. А хорошенько обдумав, стала его презирать. Иначе, конечно, пришла бы. Что могло задержать ее? Занятия в институте кончаются в пять... Он еще раз прошелся вокруг памятника. Куда идти? Домой? Не хочется!.. «Нет,— все-таки решил юноша,— пойду домой! Три дня подряд лекции пропускал, пора браться за ум. Хватит. Неужели я сам без Вани, без Нади, без отца не сумею добиться того, что задумал, разве я не мужчина?» Он решительно зашагал домой. Пусть Толик теперь попробует подойти к нему, он знает, что ответить. Правда, эти проклятые деньги истрачены, но за три месяца Женя расплатится.

Открыв дверь ключом, он вошел. Лидия Ивановна лежала на диване. Голова ее была повязана полотенцем.

— Явился! — простонала она.— Мать в гроб хочешь уложить?

Женя недоумевающе остановился: кто успел побывать здесь, что она знает?

— Повестка из милиции,— продолжала Лидия Ивановна,— вон там, на столе. Полюбуйся!

Женя схватил повестку. Да, тут написано: «Вызывается в качестве свидетеля». Но это не так страшно, значит его еще пока ни в чем не подозревают. Стараясь говорить как можно спокойнее, он заметил:

— Ты напрасно волнуешься! Тут, очевидно, какое-то недоразумение...

Лидия Ивановна вскочила с дивана и отшвырнула полотенце:

— А то, что ты у отца был, тоже недоразумение? Он мне вчера сообщил по телефону, что лишает тебя денег, и это недоразумение? Твой папаша нашел повод: не желает, видите ли, давать деньги на водку! Значит, ты явился к нему пьяный и устроил скандал? Отвечай, зачем ты там был?

— Я хотел уехать,— пробормотал Женя.

— Уехать? — увесистая пощечина обожгла его щеку.

— Сбежать вдвоем с папашей? Выкормила негодяя! Вышвырну вон и живи, где знаешь!..

В дверь постучали:

— Можно? — послышался знакомый вкрадчивый голос.

Лидия Ивановна, поперхнувшись на полуслове, крикнула:

— Одну минуточку... Молчи! — шепнула она сыну.

В мгновение ока из шкафа вынута легкая косынка, прикрыта включенная голова, пуховка скользит по лицу, кармин ложится на губы. И вот уже мать стоит преображенная, сразу помолодевшая, такая, какой ее привыкли видеть все. Она открывает дверь и радостно смеется:

— Вы аккуратны, мой друг! По вас можно проверять часы!

Георгий Аристархович уверенно входит в комнату. Что же! Он здесь почти хозяин. Они садятся на диван, и начинается безразлично вежливый разговор. Но Женя понимает: они ждут, когда он уйдет. А он вот не уйдет, назло не уйдет! Это его дом! Лидия Ивановна говорит звенящим от гнева, но притворно ласковым голосом:

— Женечка, ты, кажется, хотел пойти в кино? Я приготовила тебе деньги.

Женя не отвечает. Молча складывает книги, выдвигает ящик стола, собирает тетради. Он спускается по лестнице, решив никогда больше сюда не возвращаться. Во дворе, как всегда по вечерам, прохаживается Толик. Он

замечает сверток в Жениной руке, видит его расстроенное лицо и говорит:

— Вот кстати! А у меня скоро такая компания соберется! Пошли...

Он берет его под руку. Женя не сопротивляется. Ему сейчас все равно!

12. СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА ПРИНИМАЕТ МЕРЫ

Надя пришла домой сама не своя. Пока Степанида Петровна собирала покушать, она сидела безучастная, молчаливая, поникшая. Девушка словно видела перед собой горестное лицо Жени: «... А ты бы могла полюбить вора?» Она вздохнула. Степанида Петровна под села к дочке:

— Что приключилось-то? Или с Ваней твоим?

— Что с Ваней! — Надя нетерпеливо приподняла плечи. — С Ваней ничего не может случиться!

— А с кем же? — участливо спросила мать.

И Наде захотелось все рассказать ей, посоветоваться. Ведь больше никому не объяснишь. Подругам — стыдно. Ване? Невозможно! Надя начала тихо говорить, то и дело останавливаясь. Степанида Петровна выслушала до конца и, приподнявшись, гневно хлопнула ладонью по столу:

— Предупреждала! Нет, чтобы мать послушать! Доигралась! Вызовут в милицию, спросят, с кем связалась, что отвечать станешь, студентка?

— Да нет, ты не поняла, мама, он же хороший! — защищалась ошеломленная Надя. — Он случайно запутался. Я еще всего не знаю, но мы сегодня встретимся, тогда он мне расскажет.

— Ну, уж это ты оставь, — отрезала Степанида Петровна. — Больше ты с ним не встретишься!

— Почему?

— Не пушу, и все! Не хватало, чтобы моя дочка с ворами встречалась!

— Я больше никогда ничего не расскажу тебе, — говорила Надя сквозь слезы. — Я все равно пойду...

— А ну, марш в комнату! — повысила голос Степанида Петровна. Она подошла к вешалке, сняла Надино пальто, повесила его в гардероб и повернула ключ, потом удалась в кухню, с шумом захлопнув за собой дверь.

Надя легла на диван, уткнувшись лицом в подушку. Вот как все получилось! Мама всегда думает только о себе,

о семье. А если в доме напротив случится пожар, она и окна не откроет. Что ей до чужого горя! Мать всегда осуждает других. И учит Надю, что нужно жить только так, как она с отцом — тихо, прилично, без всяких происшествий. И Наде всегда казалось: да, это правильно, мама права! Но сейчас она понимает: дело не только в том, чтобы мир и порядок царили в твоей собственной семье. Вот с Женей что-то случилось. А мать сразу предупреждает: «Не твое дело».

Нет! Женя ее друг. Она должна с ним встретиться и все узнать до конца. И, наконец, просто нечестно: назначить свидание и не прийти. Ведь Женя будет ждать и волноваться.

Надя вскочила с дивана, надела старую вязаную кофту, накинула жакет: ничего, не замерзнет, лишь бы пробежать и узнать.

Степанида Петровна стояла в кухне, помешивая жаркое. Лицо ее было спокойным, и никто из соседок не подозревал, как она взволнована. Всю жизнь тряслась над дочкой, вырастила красивую и разумную, и вот на тебе: какой-то негодяй, проходимец голову ей морочит! Кому же, как не матери, спасти дочь? Да, да, спасти немедленно, пока не случилось худшее. У нее-то есть жизненный опыт, а Надя что ж, несмышлениш! Полетит, как бабочка, на огонь, спалит крылья, а новые не отрастут. Сейчас придет хозяин, Егор Васильевич. Пусть скажет свое слово.

Она услышала звонок у входной двери и заторопилась. В прихожей в двух словах объяснила мужу все. Старый бухгалтер только закричал. Слово «вор» для него звучало страшно. Он, через руки которого за всю жизнь прошло столько чужих денег, никогда не польстившийся ни на одну копейку, вдруг живо представил себе Надю рядом с неизвестным мерзким человеком.

Забыв снять пальто, Егор Васильевич поспешил в комнату. Надя, крадучись, пробиравась к двери. Увидев отца, она растерянно замерла. Степанида Петровна сразу поняла все:

— Вот, полюбуйся, уже из дома сбежать хочет!

Егор Васильевич тяжело опустился на стул.

— Доченька,— сказал он жалобно.

Надя кинулась к нему, обняла и, захлебываясь от слез, заговорила:

— Папа, пойми, не виноват он, я знаю... Я должна

поговорить... Это такой хороший парень, вы увидите, я его приведу сюда!

— Еще чего не хватало! — крикнула Степанида Петровна. — И на порог не пущу! Его сюда приведешь, а потом ложки пересчитывай!

Надя тоже закричала:

— Не смей так говорить! Не смей!

— А ты ударь мать, — подбоченилась Степанида Петровна, — ударь...

Егор Васильевич взялся за сердце.

— Что-то нехорошо мне, водички подай, Надюша.

Надя побежала в кухню, дрожащими руками налила воды. Когда она вернулась, отец лежал на диване, а мать хлопотала около него. Он взглядом показал Наде на стул. Она присела рядом, приложила его морщинистую руку к своей пылающей щеке и затихла.

— Ну, что же, иди, — вдруг сказала Степанида Петровна, — а отец тут без тебя помрет!

— Замолчи, мать, — с трудом выговорил Егор Васильевич, — она уже взрослая. Пусть сама решает.

Надя глядела на отца, и жалость переполняла ее: как они ее любят, как заволновались! И тут новая мысль обожгла ее. А если Женя в самом деле виноват? Ведь она ничего толком не знает. Надя внезапно вспомнила юношу, которого однажды видела в трамвае. Его схватили в то время, когда он тащил из чужого кармана бумажник. На всю жизнь запомнила девушка наглое и трусливое лицо. Ей тогда было почему-то стыдно смотреть на вора, стыдно за него... Неужели мог Женя... Надя пошевелилась. Отец испуганно открыл глаза.

— Уходишь, доченька?

— Куда же я теперь пойду...

13. „ПОКА ВЫ СВОБОДНЫ“

Женя занимался. У него так и не хватило воли, чтобы навсегда уйти от матери. Куда пойдешь? К тому же встретил Толика и (надо же так случиться!) снова попал в пьяную компанию. У Толика собрались незнакомые парни, пили, говорили о каких-то непонятных, запутанных вещах, многозначительно перемигивались. Они настойчиво уговаривали Женю выпить. И он пил в мрачном озлоблении. К нему подсел красивая девушка. Она рассказывала анекдоты, смея-

лась, показывая белые зубы. Жене казалось странным, что она говорит обо всем так откровенно и бесстыдно.

— Сыграем, — предложил Толик и потряс новенькой колодой карт. Все деловито расселись. Женя хотел было отказать, но они закричали:

— Не тушуйся! Новичкам везет!

У Жени были с собой деньги, оставшиеся после «Арагви». Он так и не успел отдать их Толику, а теперь в затуманенной вином голове мелькнула мысль: «Может, еще отыграюсь!». Но через полчаса он проиграл и эти деньги и задолжал Толику еще 200 рублей. Толик сказал добродушно:

— Свои люди — сочтемся!

Попойка продолжалась всю ночь. Женя прекрасно понимал, что эти хорошо одетые, вежливые ребята и девушка — друзья Толика — просто воры. Вначале ему неприятно было думать, что сегодняшняя попойка, возможно, результат кражи в институте. Но потом он забыл об этом и с каким-то болезненным любопытством слушал их непривычные для него рассуждения о жизни. С презрением говорили они о тех, кто корпит над бумагами, работает киркой и бережет каждую копейку. Нет! Они люди другой породы — дерзкие, а главное, щедрые, идущие на любой риск. Риск ведь так захватывает!

Женя не помнит, как заснул. А под утро разыгрался дикий скандал. Тот, кого называли странным именем Бумба, вспомнил о каких-то тридцати пяти рублях, недоданных ему Толиком. Он схватил столовый нож и полез на приятеля. Начались площадная ругань, крики, проклятья. Девушку это ничуть не удивило и не оскорбило. Она спокойно смотрела на Женю и улыбалась странной, лукавой и циничной улыбкой.

Утром Женя побрел домой. Лидия Ивановна презрительно посмотрела на помятую фигуру сына:

— Вот бы папаша полюбовался!

Она тут же ушла, больше ни разу не взглянув на сына. Женя остался один...

...Вспоминая все это, Женя отложил учебник. Нет, так больше нельзя. Опять он сорвался, не выдержал! Теперь ему уже было противно вспоминать и воровскую компанию, в которую он попал, и красавицу с таким пристальным и холодным взглядом. Точка. Надо заниматься делом. Сегодня он наверстает все, что пропустил. Хватит бездельничать. Вдруг он вспомнил о проигрыше и весь сжался. Опять...

Теперь уже пятьсот. Как выпутаться? Он стал думать. Говорят, на пристани где-то в Химках можно наняться выгружать мешки с барж. Он сильный и сможет, наверное, быстро заработать нужную сумму. Но больше это не должно повторяться никогда!

В дверь постучали. Женя пошел открывать и увидел милиционера. Сердце его упало: он совсем забыл о повестке. Милиционер спросил:

— Ваша фамилия Ремизов? Почему не явились в отделение милиции?

— Я собирался сейчас пойти, — солгал Женя, чувствуя, что краснеет. Сержант внимательно посмотрел на него.

— Только не опаздывайте. До двух. — Козырнув, он ушел.

Было только 12 часов, но заниматься Женя уже не мог. Он вышел в кухню, залпом выпил стакан холодной воды, оделся, закрыл дверь и медленно зашагал по улице.

В милиции его заставили подождать. Женя присел на широкую скамейку в коридоре. Напротив сидела немолодая заплаканная женщина. Она разговаривала с другой:

— Все вынесли! И дочкино пальтишко, которое только что сшили, и мое. Но ничего, на чужих слезах не разбогатеют!

— Ведь какие подлецы, — отвечала ей вторая, — люди трудом наживают, а они в одну ночь... Работать не хотят.

Жене стало не по себе, как будто эти слова относились и к нему. О чем его сейчас будут спрашивать? Что он должен отвечать?

Немолодой, седоволосый следователь показался Жене похожим на отца. Это сходство тронуло и обеспокоило его. Он почувствовал, что не сможет лгать ему, такому спокойному и уверенному в себе.

— Это ваша расческа? — просто, без особенного интереса спросил следователь.

Женя поглядел на расческу, которая лежала на столе. Он дома придумал ответ: «Что вы, я вижу ее в первый раз» Но так ответить сейчас был не в силах, и выдал:

— Нет, не моя!

— Вы в этом уверены? — мягко переспросил следователь.

Женя крутил в руках злополучную расческу. Почему он должен сознаться? Разве на ней написано, что это его расческа? И вообще, почему они его вызвали? Кто выдал?

Неужели Толик? Не может быть! Ведь еще вчера все говорили о том, что главное — это взаимная выручка, что никто никого не должен выдавать! Отчего же все-таки его вызвали?

— Не моя! — упрямо повторял Женя. — В первый раз вижу, — он положил расческу на стол.

Тогда следователь сказал, не меняя голоса:

— А где изготовили эту металлическую планку?

— На заводе, — машинально ответил Женя, и вдруг вспыхнув, растерянно замолчал.

Следователь тоже помолчал. Потом сказал так же ровно:

— Эту планку сделал токарь Иван Крутилин, ваш друг.

Женя молчал. Ваня! Ваня предал его! Толик никогда бы этого не сделал. Теперь все понятно! Вот почему не пришла Надя! Ваня, конечно, и ей рассказал обо всем. Он был рад, что Женя попался.

— Попрошу вас объяснить, — донеслось до Жени, — как ваша расческа попала на место кражи?

Женя молчал. Нет! Он — не Ваня. Не выдаст приятеля, ничего не скажет о Толике. Он понимает, что такое настоящая дружба!

Следователь продолжал:

— А где вы были 12 октября в час ночи?

— Был в театре, потом провожал домой девушку.

— Как ее фамилия?

Женя замаялся. Если сказать, Надю вызовут. Она окончательно станет его презирать. Но с другой стороны, как же тогда доказать, что он не виноват? Ведь кража произошла как раз в тот вечер. И Женя с отчаянием сказал:

— Надежда Миронова.

— У нее есть телефон?

Женя назвал памятный номер. Следователь бросил ему:

— Подождите в коридоре.

Женя ждал. А там, в кабинете, следователь, набрав номер, сказал:

— Надю.

Трубку взяла Степанида Петровна. Она уже несколько дней не подпускала Надю к телефону. Сейчас, услышав чужой мужской голос, она насторожилась.

— Это я, — сказала она как можно нежнее.

— Надежда Миронова? — еще раз переспросил следователь.

— Да, да, — говорила Степанида Петровна.

— Не могли бы вы сейчас зайти в сорок девятое отделение милиции?

Степанида Петровна помолчала, потом ответила как можно беззаботнее:

— Я бы с удовольствием! Но вы знаете, у меня грипп, температура высокая, врача жду.

— Тогда ответьте мне, пожалуйста. Это говорит следователь Арефьев. Припомните, где вы были вечером 12 октября?

Степанида Петровна сразу припомнила тот вечер, когда Надя сказала ей, что была в театре не с Ваней, а с этим босском. Нет, она должна спасти дочь.

— 12 октября? — с отлично разыгранным удивлением спросила Степанида Петровна. — Позвольте, дома была! К нам в этот день тетя из провинции приезжала...

— Это вы точно помните?

— Точно!

— Ну, хорошо! — медленно сказал Арефьев. — Спасибо! Простите за беспокойство.

Когда следователь позвал его обратно в кабинет, Женя сразу увидел: произошло что-то неприятное для него. Глаза, показавшиеся ему сперва похожими на отцовские, сейчас были суровы. Угасло в них тепло, которое Женя подметил в первую минуту. Следователь спросил жестко:

— Итак, где же вы были 12 октября в час ночи?

Женя растерялся: значит он никуда не звонил. Но почему он не хочет верить Жене? Конечно, потому, что уже один раз поймал его на лжи. Не отвечая на заданный вопрос, юноша с трудом выговорил:

— Я вам сначала сказал неправду. Расческа моя. Просто я испугался...

Арефьев перебирал на столе бумаги. Он чувствовал — тут что-то не то. Не похож парень на преступника. Но почему лжет, путается? И спросил снова:

— Так каким же образом ваша расческа попала в приемную директора института?

Женя потупился. Вот опять нужно солгать. Он ответил чуть слышно:

— Наверно, я выронил ее, а кто-то подобрал...

Следователь обдумывал, как поступить. Задерживать парня пока нет особых оснований. Лучше проследить, с кем он встречается, кто его друзья, а там видно будет. Кстати,

голос этой Нади звучал по телефону не очень естественно. Надо будет обязательно ее вызвать.

— Пока вы свободны,— спокойно сказал Арефьев.

14. ЗРАЗЫ „МИХАЙ“

Андрей Ковров шагал по узкой улице незнакомого города. Под ногами шуршала листва. Здесь было теплее, чем в Москве. Над островерхими крышами готических домиков поднимались еще кое-где осенние яркие кроны деревьев. Андрей думал о Зине. Наверно, обиделась на него Зина. Ведь он даже не сказал ей о своем отъезде. Такая его работа. Надо быть постоянно осторожным, сдержанным, когда расследуешь сложное дело.

Каким ветром занесло его сюда? Только два слова на старой фотографии решили эту поездку — «Брест-Литовск». И вот он приехал, чтобы здесь разузнать о людях, изображенных рядом с Чистовым на карточке, которую принес Ваня. Уже второй день живет Ковров в Бресте, но никто из местных работников угрозыска не может помочь ему. Кто же этот грузный немолодой человек с такими недобрыми глазами? Он стоит в уверенной позе с тросточкой в руках, зажав зубами сигару. Кто эта миловидная девочка!?

Андрей смотрит на номер дома. Да, так и есть: «24». Здесь живет тот, кто ему нужен, к кому посоветовали обратиться. Ковров входит в маленький дворик. Навстречу ему поднимают головки золотые шары — цветы осени. Их много, они дрожат под октябрьским ветром, и маленький дворик кажется наполненным солнцем.

Невысокое крылечко и круглое медное кольцо. Андрей осторожно берет его и стучит. Проходит несколько минут, дверь открывается. На пороге седой человек с усталым и добрым лицом. Он смотрит на Андрея без удивления, словно ждал его. Андрей объясняет:

— Ваш адрес мне дали в милиции.

— Мне уже звонили. Я рад, что еще понадобился.

Он пропускает Андрея в маленькую комнату, где пахнет яблоками и можжевельником. Здесь очень чисто. Бревенчатые стены словно отполированы временем. На полках книги, много книг. Андрей присаживается на стул и вынимает из кармана фотографию, бережно завернутую в вошеную бумагу.

— Только вы еще, может быть, сумеете мне помочь.

Старик берет карточку и долго всматривается в нее, видимо, напрягая память. Он начал работать здесь делопроизводителем в полицейской управе почти полвека тому назад и до сих пор помнит, кто и когда родился, женился и развелся, кто умер, а кто погиб в годы последней войны. Помнит не только фамилии: сколько людей он знает в лицо! Уже много лет его в шутку называют «ходячий справочник». Сейчас он уже стар, но ему не в первый раз приходится помогать вот таким молодым людям, которые еще мало видели и не умеют запоминать. Он чуточку гордится своим необычным талантом, таким нужным. Старик поднимает голову и говорит размеренным голосом:

— Это Чистов. Он родился здесь и жил на Королевской улице. Другие тут не проживали, я их не знаю. А про Чистова — извольте. Его отец умел делать деньги. Все бедняки были его должниками. Он отпускал в долг фунт пшена, а записывал два фунта. Что? Да, да, так было у нас тогда, и никто не удивлялся. Молодой Чистов считался щеголем. Ездил в собственной коляске, носил усыки, пальцы у него были в кольцах... Что с ним случилось потом?..

Старик морщит лоб, припоминая. Лицо его светлеет, и он говорит уверенно:

— Ну да, конечно, Чистов уехал отсюда в 1938 году. Вошел в дело к одному богатому пану-трактирщику где-то в соседней губернии. Отец устроил сыну проводы, о которых говорил весь город. Банкет на сорок персон! И полицейские чины были приглашены. Помню я этот день.

Когда старик замолчал, Андрей спросил:

— Как бы узнать, в каком городе они открыли свой трактир?

— Не помню, — вздохнул старый делопроизводитель.

Поблагодарив, Андрей снова пересек солнечный дворик и в раздумье зашагал по улице. Как же искать дальше? Вспомнил, что с утра не ел, и завернул к ресторану. Он сел за крайний столик. Пожилой лысый официант с салфеткой, перекинутой через локоть, принес ему меню. Андрею всегда было все равно, что есть. Он привык к незатейливому и сытному домашнему столу, а в командировках питался как попало. Вот и сейчас он безразлично пробежал взглядом названия блюд и вдруг его внимание привлекло необычное слово: «Зразы «Михай». Что это такое?

— Дайте, пожалуйста, это, — попросил Ковров, усме-

хаясь про себя. А вдруг блюдо окажется несъедобным? Тем хуже, не будь любопытным.

Однако принесенное кушанье оказалось вкусным и ароматным. Котлеты были начинены рисом и грибами.

— Хорошо приготовлено! — похвалил Андрей, обращаясь к официанту. — Только почему название такое странное?

Официант вздохнул:

— Не изготавливают теперь многих блюд, какими прежде здешние рестораны славились. Рецепты позабыли. А эти зразы придумал один Михай. Башковитый был, ничего не скажешь. Ресторатор в Пружанах. Может слышали? Я у него работал. Дочка у него красавица была.

— А где он сейчас? — спросил Ковров.

— Засудили! — официант махнул рукой. — А компаньон его сбежал. Сгинул бесследно. Чисто работал! Вот фамилию позабыл.

— Может быть, Чистов? — с внезапно вспыхнувшей надеждой спросил Андрей.

— Может и Чистов, — равнодушно согласился официант. — Давненько дело было.

Андрей расплатился и двинулся к вокзалу. Нет, он должен съездить туда, где держал ресторан этот Михай. Он подошел к окошечку кассы.

— До Пружан.

Было уже утро, когда Андрей сошел на узкую деревянную платформу. Он заторопился на почту. Через полчаса ему удалось связаться с Москвой. Он доложил своему начальнику:

— Нахожусь в Пружанах. Задержусь еще на три дня. Измененный расстоянием голос подполковника Осипов был хорошо слышен:

— Успешно?

— Пока нет, — честно сознался Андрей.

— Действуйте.

Найти бывший ресторан Михая оказалось не так легко. В этом небольшом поселке давно все было перестроено, переделано. Ресторана здесь никакого не было, а на большом белом здании красовалась вывеска: «Колхозная чайная».

Андрей зашел туда, потолковал с хорошенькой смешливой официанткой, без труда выяснил, что ее зовут Люся и что сегодня она собирается пойти вечером в клуб на новую

кинокартину. Она выложила Андрею всю свою биографию, так что он даже подивился ее общительности, но когда он попытался узнать что-нибудь о ресторане, Люся даже как будто обиделась:

— У нас этого баловства нет.

Андрей улыбнулся, хотя ему было очень грустно; расплатился и отправился в местное отделение милиции. Там встретили его с уважением, но ничего не смогли сообщить.

«Засудили», — вспомнил Андрей слова официанта и, поразмыслив, пошел в народный суд. Получив разрешение, он засел за старые пыльные папки, разыскивая в архиве может быть и вовсе не существовавшее дело ресторатора Михая. Он работал всю ночь и весь следующий день. И, когда уже стал терять надежду, на рассвете третьего дня нашел толстое «Дело», на котором было написано: «Начато — 25 февраля 1940 года. Окончено — 11 марта 1940 года. Михай — Листниченко — Ягудовский — Чистов».

Не веря себе, он вглядывался в фотографии, которые были приколоты на первой странице. Вот он — ресторатор Михай. Это он сфотографировался вместе с Чистовым и какой-то совсем юной девушкой. Вот и ее фотография, только здесь она постарше. Но постойте! Ведь это же вылитая Филатова — делопроизводитель из домоуправления. Андрей перевернул снимок. Там было написано: «Ванда Михай». Ну и ну! Его дочь!

Андрей листал протоколы допросов, обвинительное заключение, приговор, в котором значилось: «Ввиду побега Чистова приговор в отношении его вынесен заочно...»

А вот ходатайство суда об учреждении опеки над несовершеннолетней Вандой Михай, вот просьба опекуна о направлении девочки в детский дом.

Но когда же она успела стать Вале Филатовой?

15. ОБОРОТЕНЬ

Вале Филатовой очень трудно было получить комнату в Москве. Освободившись по амнистии из заключения, она долго искала старых дружков. Ох, как мало их осталось! Ни на Калужской, ни в Сокольниках, ни в Марьиной роще невозможно теперь найти их. Валя молча поджимала пухлые яркие губы, узнавая новости: Валька Седой теперь на заводе токарем, а Мишка Хват уехал куда-то далеко. Ребята слышали — женился там. Дети пошли. А Любка, зна-

менитая Любка-красотка, сама в милицию пошла. Отсидела свое, и теперь к ней не подступишься — учиться в техникуме...

Нет! Валя не хотела стать такой, как они. Работать? Стоять восемь часов у станка, а потом раз в две недели пересчитывать трудовые рубли? Да она в одну ночь в хорошей компании зарабатывала тысячи. Разве мало еще осталось на свете ротозеев, у которых так легко взять деньги и вещи!

Был бы здесь отец, Ванде не пришлось бы дружков разыскивать, не нуждалась бы она ни в комнате, ни в деньгах. Ванда — так ведь зовут ее по-настоящему.

Отец держал кабачок в небольшом местечке Пружанах. Ночью Ванда помогала ему принимать какие-то тюки от людей, которые приходили только в темноте и потом словно растворялись в ней. Ванде нравились романтика этих ночных бдений, тусклый блик фонаря, который вспыхивал и гас в руках отца, и таинственный шепот на каком-то условном языке, где все слова были знакомы и вместе с тем непонятны непосвященному... А днем все снова было просто и буднично. Звенели бокалы в кабачке, и хозяин следил глазами за дочерью, которая в белоснежном передничке с накрахмаленной бабочкой в волосах сновала между столиками.

Потом все сразу изменилось. Пришла Советская власть, и отца забрали. Его судили как содержателя бандитского притона. Процесс длился десять дней. К Ванде пришли две женщины, долго говорили с ней. Она глядела на них из-под насупленных бровей и молчала. Она не хотела той жизни, какую они ей предлагали. Но уже тогда она понимала: надо уметь скрывать свое настроение и тушить ненависть в глазах. Ванда пошла с ними в детский дом, внутренне усмехаясь: что ей делать там среди детей? Разве они знают то, что знакомо ей?..

Через год она украла деньги из стола заведующей и убежала в чужом платье, сделав себе «взрослую» прическу и нарисовав губы, чтобы казаться старше. В поезде она встретила молодого лейтенанта. Он заботливо поил ее чаем и угощал какими-то вкусными булочками, которые напекла ему на дорогу мать. Он ехал к месту своего назначения. Ванда казалась ему сошедшей с прекрасной картины. Он боялся неосторожным словом обидеть ее. А она спокойно размышляла: «Что, если я поеду с ним и стану его женой? Сменю фамилию, чтобы уж наверняка не нашли».

— Валентина! — назвала она свое имя лейтенанту. Так легко было сплести нехитрую, но трогательную историю об умершей матери, одиночестве...

— Плохо, когда девушка остается одна, — сказала Ванда, опустив длинные ресницы.

И Саша Филатов поверил. А через полгода Валентина Филатова была арестована. Ее все же нашли. Саша пришел к ней на свидание бледный, осунувшийся.

— Тебя оклеветали? — потребовал он ответа.

— Не все же такие доверчивые, как ты, — насмешливо сказала она.

— Но ты... — он шагнул к ней. — Ты хоть любила меня или просто хотела замести следы?

— Зачем ты мне! — сказала она зло.

Он ушел. Так закончился этот брак. Но Валя и не вспоминала о нем. В тюрьме она выработала свою особую мораль, в основу которой положила слова отца: «Попадают только глупцы. Умные действуют чужими руками». Она поступила глупо, взяв деньги. Ничего! Она поумнеет!

Ее пытались вернуть к честной жизни: разговаривали с ней, учили ремеслу, пригласили в школу. Валентина ни от чего не отказывалась. Она училась всему, но для своих тайных целей: «Пригодится!».

Когда ее освободили, она пошла работать. В нее влюбился директор столовой. Он был готов ради нее на все, этот пожилой, безвольный человек. Не стоило большого труда убедить его взять деньги из кассы. Ванда жарким шепотом уговаривала: «Тебя не арестуют, ведь доказательств против тебя нет».

Его арестовали, а Ванда на другой день исчезла из городка. Все у нее заранее было подготовлено: с работы уволилась, сказав, что едет к больной тетке. Сослуживцы ей сочувствовали, никто не знал об ухаживании директора, и даже малейшая тень не пала на нее.

Поехала в Ленинград, потом в Москву. Она быстро освоилась в столице, обзавелась полезными знакомствами, участвовала во многих «делах». Но всегда оставалась в стороне, умело выполняя свою программу. Это было тем более просто, что у нее был холодный, расчетливый ум. Валентина никого не любила, никого не жалела. Никто из ее друзей и не подозревал, что она имеет несколько сберегательных книжек и откладывает на них деньги, добытые воровским путем. Она презирала своих приятелей: они все пропи-

вают, а она... Ну нет! Она дальновиднее. Она накопит денег, а потом уедет. Далеко! Никто никогда не узнает, что была на свете Ванда Михай, а потом Валентина Филатова, по кличке «Валька-Кукла».

Но как она не хитрила, ее арестовали вторично. Она кусала губы от злости и там, на далекой Колыме, пыталась кокетничать со старшим надзирателем, тая надежду убежать. Но рослый, красивый парень засмеялся ей в лицо:

— За дурачка считаете, Филатова?

Ванда смирилась и стала терпеливо ждать освобождения.

...Устроиться в Москве ей помог управдом. Он был старый и плешивый, но что поделаешь. Ведь он принял ее на работу и даже помог получить новый, чистый паспорт. Теперь она стала делопроизводителем в домоуправлении. Управдом поселил Валю в маленькой комнатке. Она увидела голые стены и улыбнулась:

— Скоро здесь будет уютно!

Все удивились, когда через несколько месяцев управдома сняли с работы. Он оказался замешанным в какие-то махинации со счетами на уголь и ремонтные работы.

— Подумать только! — вздыхала Валя. — Такой был на вид солидный человек.

В ее маленькой комнатке между тем появились ковры, на стене сняло большое дорогое зеркало, в нем отражалась красивая полированная мебель. Пахло духами...

...Вернувшись с работы, Валя увидела записку, которая была просунута под дверь. Она торопливо развернула ее и поморщилась, увидев знакомый почерк: «Был, не застал. Приду завтра. Леонтий».

Валя повертела записку. Она представила себе самодовольное одутловатое лицо Леонтия, улыбку, такую умильную и сладкую. И ведь жениться хочет! Квартирой соблазняет. Говорит, что после смерти жены целый шкаф с платьями остался. Воображаю, что за платья! Но Леонтий, старшина милиции, нужен, очень нужен.

Правда, сейчас он перепуган убийством Чистова. Приходит и пристает: «Как ты думаешь, Валюша, кто? Я ведь всех подозрительных в своем районе наперечет знаю. Я уверен, это какой-то залетный». Валя отвечает нетерпеливо:

— Знаете вы! Разве их узнаешь!

— Узнаю! — хвастает Леонтий.

Валя небрежно гладит его по щеке, и Леонтий блаженно улыбается.

...Валя бросает взгляд на часы, лицо ее сразу меняется. Она торопливо надевает другое платье, потом снимает его, надевает третье. Нет! И это летит в раскрытый чемодан. Вот уже на ней легкий яркий капотик. Она закручивает волосы в тугий узел на затылке и внимательно, долго смотрит в зеркало. Морщин совсем нет на ее лице. А ведь уже тридцать два. Но кто даст ей столько?

Сброшены чулки. Красные, без задников туфли с большими пестрыми помпонами подчеркивают белизну ног. Она выливает на ладонь духи. Валя хочет, чтобы он вошел и сразу увидел, как она ждет его — первого и единственного, кто ей по-настоящему понравился!

Мальчишка! Чем он сумел покорить Валью? Она, кажется, теряет голову. Где ее бывшая осторожность? Эти прищуренные насмешливые глаза так умеют загораться... Валя вздыхает: «Почему он не идет?». Гнев овладевает ею по мере того, как движется время. Ну хорошо! Может, она и не нужна, кругом столько хорошеньких девочек. Но ведь их связывает и дело. Хоть бы об этом вспомнил!

Вдруг она вся напрягается. На лестнице слышатся шаги. Такие знакомые, неторопливые. И сразу все забыв, как девчонка, она кидается к двери. Она обвивает руками его шею. Он стоит в дверях широкоплечий, высокий. Спокойно отодвинув ее в сторону, говорит негромко:

— Нашел для нас, кого хотела... Подходящий парень!

16. ЗОЛОТЫЕ НИТИ

Возвращаясь от Арефьева, Женя встретил во дворе Толика. Тот кинулся к нему навстречу. В его лице не было обычного спокойствия.

— Боялся за тебя, — крикнул он на бегу. — Нашли знакомого — одного участкового. Он и помог тебя вытащить. А то бы ты загорал.

Женя припомнил, как к следователю кто-то заходил, пока он ждал в коридоре. Значит, следователь с кем-то советовался, наверное, с тем самым Толиным дружкой. Женя до боли сжал приятелю руку.

— Спасибо.

— Что он тебе говорил?

— Расческу показывал, спрашивал, как в приемную попала,— небрежно ответил Женя.

— А ты?

— Что я? Разве я скажу? Потерял и все.

— Молодец! — похлопал его по плечу Толик. — А сейчас куда?

— Не знаю. Домой не пойду. Там мне все равно жизни нет. А теперь, после того, как в милиции побывал, и вовсе...

— Знаешь что,— предложил Толик,— ночуй пока у меня, а потом комнату подыщем или что-нибудь другое придумаем.

— На комнату денег нет,— вздохнул Женя.

— Нашел о чем говорить! — засмеялся Толик.

— А как же с институтом, бросить? — тоскливо спросил Женя.

— Ну что ты! — возмутился Толик,— кто же ты тогда будешь, человек без определенных занятий? Нет, ты студент, комсомолец! Сиди и занимайся у меня в комнате, а мать сготовит тебе. И никому не говори, где живешь, пусть поволнуются. Тоже мне, родители! Бросили парня в трудную минуту. А Ванька твой только речи говорить умеет, а как до дела дойдет, его нет!

— Тогда я в институт пойду,— заторопился Женя,— а пока матери нет дома, перетащу к тебе книги и одеяло свое возьму.

— Давай, давай,— сказал Толик.

...Как все удачно получается. Ребята всегда говорят: «Фартит тебе, Толик». Нет, не фартит, а просто мозги на месте. Вот он идет, красивый, нарядный, девчонки засматриваются. А отец всю жизнь спину гнул. Эх, и дураком был, между нами. В старосты полез при немцах, власти захотел. С его-то головой? Ну, конечно, партизаны его и стукнули, а Толика с матерью полуживыми подобрали танкисты, вступившие в деревню, откормили немножко. Потом переехали в Москву, мать в дворники нанялась, чтобы комнату получить. Да! Не устроил им отец хорошей жизни! Ну, ничего, зато сын не дурак. Сейчас только и делать дела. Главное — все на работе. Он сам в артели, и неплохим там считается слесарем. Бумба-Костя в цирке служит униформистом. Про Валю и говорить нечего — эта понимает, что к чему.

...Он сказал матери отрывисто, как всегда:

— Кровать вторую наладь. У нас один парнишка жить будет. Ты его знаешь — Женька из 5-й квартиры.

— Выгнали из дома! — заохала мать.

Толик посмотрел на нее сурово:

— Поменьше болтай, не твоего ума дело. Чтобы никто не знал. И корми его получше.

— Деньги все вышли, Толик.

— Много тратишь, — угрюмо заметил сын, — поаккуратней надо, не миллионеры. На вот, — он бросил ей 50 рублей.

— Завтра еще дам.

Завтра! Что-то будет завтра! А сегодня до работы он успеет съездить к окружному мосту и, как просила Валя, осмотреть здание художественно-экспериментальной мастерской.

Он доехал на метро до Крымской площади, оттуда автобусом добрался до Лужников. Тогда здесь не было огромного стадиона, до самого горизонта простирался изрытый ямами, заросший чахлыми кустиками пустырь. Поодаль виднелись смутные силуэты домов. С другой стороны тянулась высокая железнодорожная насыпь, на хмуром небе паутинкой прилип горбатый мост; там, под деревянным «грибом», застыла маленькая фигурка часового. Кроме него, вблизи не было ни одного человека. Только ветер насвистывал в голых кустах. Прямо перед Толиком — одноэтажный кирпичный дом, расположенный в виде буквы «П» и обнесенный высоким забором с колючей проволокой. Возле запертых ворот темнела проходная будка. Одна из стен дома выходила прямо на пустырь. На эту глухую черную стену особенно пристально посмотрел Толик.

— М-да, как это она думает сделать? Сюда так просто не пробраться. А ведь хорошее дельце. Валька — башковитая и всегда такое придумает, что ахнешь. Ей один студент архитектурного института, который за ней бегаёт, рассказал по секрету, что в этой мастерской ткут для всемирной выставки gobелен с золотыми нитями. Студент сам видел. А Валька хочет забрать gobелен. И ведь до чего сообразительна — наметила, как продавать будем: повытащим золотые нитки, сплавим — и по разным городам. В Москве продавать не придется, зубным врачам предложить можно в Киеве, Одессе, Ростове. Тысяч 50 можно выручить.

А вот попасть сюда не просто. Но и тут Валька приду-

мала, ох, и здорово придумала! Надо, чтобы свой парень попал сюда с экскурсией. Пройдет вместе со всеми и незаметно заберется в укромный уголок, ну хотя бы на чердак. Только, конечно, сперва обмозгует, что к чему: в какой комнате гобелен находится, как удобнее туда забраться. Только парень нужен такой, чтобы подозрений не вызвал. С чистыми документами.

Толик, усмехнувшись, покрутил головой. Валька сомневалась: «Трудно такого найти!» А он вот нашел! Женька! Пусть-ка теперь отвертится! С расческой запутался, полтыщи должен — отдать нечем! Из дома удрал. И приятелей нет, не заступятся. Наш будет!

Улыбаясь своим мыслям, Толик нащупал в кармане десятку и важно открыл дверцу такси. По дороге ему пришло в голову: «Придется ведь машину доставать. А за какие гроши? В карманах у всей компании ветер гуляет. Как же быть? Надо с Валькой посоветоваться».

17. ОТЕЦ И СЫН

Лидия Ивановна всхлипывала:

— Он сманил мальчишку! Он хочет увезти его в какую-то немыслимую экспедицию. Вы ведь сами знаете, что это бред! Сын уже не ночует дома, а прячется где-то у него... До каких пор я буду так страдать!

Она прикрыла глаза кружевным платочком и сдавленно всхлипнула. Жуков беспокойно заерзал на стуле. Он не любил женских слез. Ну и глуп же все-таки этот неудавшийся ученый — такую женщину оставил! Он осторожно кашлянул и коснулся белоснежной руки:

— Перестаньте, успокойтесь. Мы его вызовем и заставим отказаться от этой сумасбродной идеи. Вот сейчас при вас я скажу ему то, что надо.

Жуков снял трубку:

— Михаил Семенович? Да, да, это я. Здесь у меня ваша супруга... Я крайне огорчен, что вынужден вмешиваться в столь щекотливое дело, но, дорогой мой, так же нельзя! Ведь ваш сын...

Жуков положил трубку. Лицо его было обескураженным.

— Вы знаете, нас, наверно, разъединили...

— Я не стану больше вас беспокоить,— Лидия Ивановна встала.— Но я так надеюсь на вас... Вы такой милый! — прибавила она, щурясь.

Она ушла, но в комнате остался запах крепких духов. Жуков понюхал воздух, сладко причмокнул и нагнулся к бумагам.

А Михаил Семенович, устало подперев лицо руками, неподвижно глядел в одну точку. Вот он сейчас вышел из себя, накричал, недослушав, бросил трубку. А что, если там в самом деле произошло что-то плохое? Женя пьет, наверное, не учится. Конечно, он сердит на Женю, но не может же он допустить, чтобы сын погиб на его глазах! Он сейчас пойдет в институт и выяснит все.

Профессор торопливо оделся, вызвал такси и через несколько минут подъехал к институту. Декан, которого он знал, встретил его приветливо.

— Я насчет сына,— неуверенно сказал Михаил Семенович.

Декан приподнял брови:

— Что-нибудь случилось?

— Как раз это я и хотел выяснить. До меня дошли слухи, что он...— с трудом выговорил Михаил Семенович.— Как у него с учебой?

— По-моему, все в порядке. Впрочем...— декан нажал кнопку звонка и сказал вошедшему секретарю:

— Вызовите ко мне комсорга 305-й группы.

Снова оставшись вдвоем, мужчины почувствовали себя несколько неуверенно и потому с преувеличенным оживлением заговорили о погоде, о последних новостях. В дверь постучали.

— Войдите,— сказал декан.

Комсорг, высокий юноша, подошел к ним.

— Садитесь, Березин,— пригласил декан.— Скажите нам, как ведет себя комсомолец Евгений Ремизов? Аккурратно ли он посещает занятия?

Комсорг помолчал, потом ответил, осторожно выбирая слова:

— Он за последнее время стал какой-то странный. Рассеянный. И отмалчивается. В остальном вроде все ничего. А что?

— Мне говорили, что он, как будто, начал пить водку? — Михаил Семенович беспокойно взглянул на парня.

— Мы проследим! — строго пообещал комсорг и вдруг добавил:

— Он, конечно, может быть, дома и выпивал, а в институте не замечали... Наверно, это от неприятностей. Он ведь из дома ушел.

— Как ушел? — поразился Михаил Семенович. — Куда?

— У товарища живет, — довольный своей осведомленностью докладывал комсорг. — Я туда своего активиста посылал. Условия для занятий есть. И хозяин квартиры подходящий — из рабочей среды. Аккуратный такой, вежливый. А отчего он от матери ушел, не знаете? — внезапно с юношеским любопытством спросил комсорг.

Декан быстро кашлянул и сказал торопливо:

— Спасибо, голубчик, можете быть свободны.

Михаил Семенович пожал руку декану:

— Успокоили вы меня. Знаете, уже чемоданы сложены, а тут такое... Сейчас хоть душа на месте. У товарища живет. Это, пожалуй, неплохо. Пусть привыкает к самостоятельности.

— Да, — вздохнул декан. — Мы-то с вами рано из семей поуходили, а вышли же в люди, а? — оба тихонько рассмеялись.

Комсорг был доволен собой. Никто не скажет, что он не знает, как живет молодежь. Вот проговорился как-то Ремизов, что ушел от матери, и сразу проверили, уточнили. Интересно, кто этот пожилой? Уж не отец ли? Тоже нашел, когда про сына вспомнить! Бросать не надо было! Он решил сегодня же поговорить еще раз с Женей, как у него сейчас дела.

Женю нашел он в аудитории. Тот что-то читал.

— Готовишься? — подсел к нему комсорг, переходя на тот чуть покровительственный тон, которым он разговаривал с молодыми комсомольцами.

— Готовлюсь, — неохотно ответил Женя.

Комсорг невольно скосил глаза на название книги: Кэптан-Дойль «Собака Баскервилей», и рассердился:

— Что ты мне голову морочишь?

Женя тоже вспылил:

— Может, я должен у тебя спрашивать, что читать? Тоже мне, начальник выискался!

— Ты как разговариваешь! — повысил голос комсорг. — Я с тобой по-товарищески, а ты...

— Знаем вас, товарищей! — рубил Женя. — Отстань!

— Хорошо, я отстану, — с угрозой сказал комсорг. — Но смотри, если на зачетах будешь резаться, то твоя собака тебе не поможет!

Он отошел раздосадованный. Нет, все-таки плохо он еще знает своих комсомольцев...

Между тем Михаил Семенович, узнав в учебной части новый адрес Жени, отправился туда. Он долго стучал, пока ему открыли.

— Здесь живет Женя Ремизов?

Дверь сразу распахнулась и навстречу шагнул парень с открытым, добродушным лицом. На нем была белая безрукавка, обрисовывающая атлетические грудь и плечи. Он сказал приветливо:

— Заходите, пожалуйста.

Михаил Семенович вошел и огляделся. В комнате было чисто и даже чуточку строго. Сияли белизной подушки на холостяцких кроватях, на полке стояли знакомые Женины книги. На столе — расшитая крестиками скатерть. И у графина — пиала, та самая, которую Михаил Семенович привез когда-то в подарок сыну. Ему было приятно видеть, что сына окружают вещи, напоминающие ему об отце.

— Вы товарищ Жени? — спросил Михаил Семенович.

— Да, — широко улыбнулся Толик. — А вы его отец? Я много слышал о вас. Женя так хотел поехать с вами. А потом решил: надо заниматься, иначе может отстать в институте, а вы ему этого не простите. Вы знаете, я все хотел вас разыскать, рассказать, что он у меня живет. Встретил я его пьяного один раз, другой и понял: спасать надо парня. А то пропадет, — Толик вздохнул.

Михаил Семенович слушал взволнованный. Он не замечал наигранного пафоса в голосе Толика, его театральных жестов. Он верил всему, что говорил этот симпатичный юноша, Женин друг.

— Спасибо! — сказал Михаил Семенович и пожал Толику руку, потом спросил, пораженный какой-то мыслью: — А как насчет денег? Ну, на квартиру, на питание?

Толик смущенно потупил глаза:

— Да ведь я зарабатываю кое-что... Мы же товарищи!

— Нет, нет, что вы! — заволновался Михаил Семенович. — Я оставлю вам денег для Жени. Сам-то я уж с ним не увижусь. Поздно. Поезд уходит через два часа. Скажите,

что я на него больше не сержусь. Вернусь — поговорим. На будущий год вместе куда-нибудь поедем.

Он вынул из кармана деньги, отсчитал 1000 рублей:

— Позже еще пришло. Давайте-ка я ваш адрес запишу.

— Ну зачем это! — скромно сказал Толик и придвинул к себе пачку денег. — А квартира моя девятая. Значит, увидимся после приезда?

— Да, да! — растроганно говорил Михаил Семенович.

Шагая домой, он думал: «Какая молодежь отзывчивая пошла!» Одно только тревожило его: зря он не повидался с Женей, не поговорил с ним на прощание. Ну, подумаешь, вызвал бы его с занятий на каких-нибудь пятнадцать минут. Он взглянул на часы. Может еще успею? Нет, поздно. Ну, ничего, напишу с дороги...

Вечером Толик докладывал Жене:

— Папаша твой был. Грозился. Я, говорит, его, раз такое дело, и знать больше не хочу! Я ему объяснил, что ты учишься, а водку и в рот больше не берешь. А он все равно не верит. Правда, мать?

Не поднимая глаз, старая женщина кивнула.

— Я у него денег хотел было попросить для тебя, — продолжал Толик, — да не осмелился. Он тут сам сказал: «Ни копейки, дескать, я ему больше не дам. Уже совершеннолетний. Хватит». Эх, до чего неудачные у тебя родители!

Женя молчал. Потом сел за книгу и, стараясь сосредоточиться, в сотый раз перечитывал одну и ту же фразу. Толик оделся и ушел.

...В уютной, маленькой комнатке царит веселье.

Толик широким жестом протягивает Вале сотенные бумажки, перевязанные ленточкой.

— Как, как? — хохоча, переспрашивает она. — Говоришь, сам дал? Ну и ну!

Валя прячет деньги в карман пестрого халатика и серьезно говорит:

— Значит, это ты мне подарил?

— Вообще-то нам на машину деньги нужны, — нерешительно говорит Толик. Валя нетерпеливо машет рукой:

— На машину в другом месте достанем. А ты мне давно ничего не дарил... Я тут кое-что приглядела, — понижает она голос. — Квартира есть подходящая. Богачи живут. Сервиз серебряный, столовый и чайный. Деньжонки

припрятаны. В сберкассе не кладут,— усмехается Валя.— Больно бережливы. А спят— из пушки не разбудишь!

— И откуда ты все знаешь? — восхищается Толик, притягивая ее к себе. Он глядит на нее влюбленными глазами. Что стоят молодые девчонки рядом с Валькой, умной, опытной!..

...Тетя Маша подошла к двери и осторожно заглянула в комнату: Она увидела сгорбленную спину Жени. Вот он повернулся к ней, и на лице такая грусть, что у тети Маши защемило сердце. Она тихонько вошла в комнату и коснулась его плеча:

— Не горюй, сынок, все поправится!

Женя с удивлением поднял голову. Тетя Маша подавленно вздохнула. Ей хотелось все рассказать ему — про ласковые слова отца, про деньги, которые он оставил ему, про то, что он простил его. Но как она, забитая женщина, может идти против сына, которого боится? Она гладила Женю сморщенной рукой и повторяла, не замечая, что слезы текут по ее лицу:

— Ничего, сынок, на отца не обижайся, отцу верь!

Повинуясь безотчетному порыву, Женя прижался щекой к ее руке...

18. ГЕОРГИЙ АРИСТАРХОВИЧ ВОЗМУЩАЕТСЯ

За последнее время Толик сильно переменился. Он уже не говорил с Женей прежним ласковым тоном, глядел на своего жильца недовольно и выжидающе. Женя мучился. Конечно, он стесняет Толика и денег дает мало. Теперь уже все реже и реже собирается здесь веселая компания. Когда приходят ребята, Толик, вздыхая, выпроваживает их:

— Ничего не выйдет! Студент занимается!

Женя понимал: надо что-то делать, куда-то уходить, но куда? Пойти разве посоветоваться с Березиным? Но, вспомнив последний разговор с комсоргом, он поморщился. Нет, не пойдет! Как ему рассказать все? Примутся обсуждать в комсомольской организации, еще из института исключат: с ворами связался...

Сегодня Толик спросил небрежно:

— Когда с должком думаешь рассчитаться?

Женя смутился:

— Подожди немного! — заговорил он умоляюще. — Придется написать отцу.

— Много он тебе вышлет! — усмехнулся Толик.

На кухне у тети Маши выпала из рук чашка. Она знала: уже дважды приходил почтальон и приносил деньги, которые Михаил Семенович высылал на имя Толика.

А Толик, внезапно изменив тон, сказал требовательно, почти грубо:

— Хватит на чужой шее выезжать! Нечего строить из себя невинность!.. Ну, да вечером поговорим!

Потом он оделся и ушел. А Женя остался сидеть совсем подавленный. Конечно, они хотят, чтобы он помогал им в кражах. Но этому не бывать! Никогда! Уж лучше, если так, он вернется к матери и, пока не помирится с отцом, будет жить там, как бы трудно не было. Он стиснет зубы и стерпит все.

Женя решил, не дожидаясь Толика, собрать свои книги и уйти, но вдруг дверь открылась и показался Георгий Аристархович. Женя растерялся, увидев этого ненавистного человека.

Георгий Аристархович был несколько взволнован. Наверху только что произошла безобразнейшая сцена. Лидия Ивановна устроила истерику, чего он не переносил, и, заламывая руки, кричала:

— Из-за этого негодяя соседки поносят меня последними словами! Он живет у какой-то дворничихи: тут, видите ли, ему плохо! Вы должны пойти и привести его... Не отказывайтесь, умоляю!

И вот сейчас Георгий Аристархович, брезгливо озираясь, стоял перед Женей и говорил ему приторно, как всегда:

— Ты нервируешь свою мать, подумай, в какое ты ее ставишь положение? И потом, послушай, Евгений, ты — и эта обстановка! Фи! Какая-то дворничья!

В Жене вспыхнул гневный протест. Только что он сам хотел идти к матери, помириться с ней и попробовать зажить по-новому. Он забыл в ту минуту, что существует еще. Георгий Аристархович. Ему казалось, что мать должна понять и пожалеть его. Если бы она сама пришла сюда и поговорила с ним! Нет, она прислала этого лживого, неискреннего человека. Но его он ни в чем не слушает! Назло!

— Гад! — с наслаждением крикнул Женя. — Гад вы, вот кто!

Георгий Аристархович охнул и, как ошпаренный, выскочил за дверь. На лестнице мимо него промчался высокий парень. Он толкнул его плечом, пробормотал: «Извините» и исчез. Георгий Аристархович возмущенно крикнул, не переводя дыхания взбежал вверх и нажал кнопку звонка. Лидия Ивановна открыла сразу, словно стояла у дверей.

— Ты понимаешь,— заговорила она.— Здесь был этот Ванька, Женин приятель... Я объяснила ему все! Это они, только они вскружили голову Женьке. И с кем он только водит дружбу — мальчик из хорошей семьи!

Георгий Аристархович взглянул на часы. Уже четыре. Ему пора на работу. У него что-то разболелась голова. Приезжаешь сюда на часок-другой отдохнуть, рассеяться, а тут вечно какие-то истории. И потом эти бесконечные выпрашивания денег!

...Очутившись во дворе, Ваня сбил шапку на затылок: «Ну и мамаша у Жени! Он давно ее знает, но сейчас в первый раз пришлось с ней так поговорить!». Впрочем, подумав, он пришел к выводу, что она кое в чем и права. Что же он за товарищ, если не сумел вовремя остановить Женю? Снова вспомнился разговор с парторгом. Все эти дни он не мог ни за что приняться. С тех пор, как отдал следователю Женькину расческу, на душе тяжело. И правильно, вроде, поступил, а как муторно! Ведь Женька никогда не поймет его поступка. «Продай,— скажет.— А еще лучший друг был».

Ваня вздохнул. Конечно, Женю не арестовали. Мало ли что, расческа... Ведь Женька ходит в приемную директора, мог выронить днем случайно. Арефьев из тех следователей, которые не собирают улики против первого встречного, лишь бы поскорее назвать виновного, а до самого конца докапываются. Он сказал тогда Ване:

— У меня какое-то внутреннее чувство, что ваш друг не причастен к преступлению, но вся эта история и его поведение весьма подозрительны...

С тех пор, как Женя поступил в институт, они вообще стали реже видаться. Ваня все время занят на заводе или в милиции. У Жени — занятия. Иногда в выходной встретятся, поговорят, сходят вместе в кино, ну и все. Былой дружбы между ними давно уже нет. А после этой дурацкой истории с театром и вовсе все пошло врозь...

Неизвестно, как у Женьки, а у него, у Вани, осталось к другу большое, настоящее чувство. Женя первый научил его любить книги, и сколько чудесных вечеров провели они вместе, забравшись с ногами на диван! Часто к ним подсаживался Михаил Семенович и рассказывал увлекательные истории. Ваня был единственным, кому Женя поведал трагедию своей семьи. На плече у Вани он всхлипывал, гордый, стеснявшийся своих слез, когда ушел отец... Нет, Ваня знает Женю, как самого себя. Он честный, прямой, смелый, только очень застенчивый и из-за этого бывает иногда грубым и резким.

Внезапно Ваня вспомнил о Наде. Все эти дни он не думал о ней. Почему-то неловко было идти туда. Надя наверняка что-то знает. Конечно, она скажет ему, где сейчас живет Женька. А там он сам поговорит с ним...

Степанида Петровна, как всегда, встретила Ваню ласковой улыбкой.

— Давно не бывал! Зайди к ней,— зашептала она еще в прихожей.— Скучает что-то.

Надя сидела в своей комнате бледная, притихшая. В руках у нее был учебник, но Ваня сразу заметил, что мысли ее далеко. У него сжалось сердце. Он привык видеть ее веселой, слегка насмешливой, уверенной в себе. Сейчас она показалась ему даже немного старше. Увидев Ваню, Надя вскочила, торопливо закрыла дверь и, ничуть не стесняясь, спросила:

— Что с ним?

Ваня не стал спрашивать — с кем. К чему кривить душой? Но разве ей самой ничего неизвестно? А он-то надеялся, что она ему поможет...

— Ты от него? — нетерпеливо спрашивала Надя. — Скажи ему мой адрес, пусть придет. Мама меня никуда не пускает.

— Я сам не знаю, где он,— ответил Ваня. Ушел из дома, понимаешь?

Надя сразу как-то поникла. Самые страшные мысли пришли ей в голову. Он, наверное, опять попал в эту компанию. И, может быть, именно от отчаяния, потому что она оставила его. Он открылся ей во всем, как самой близкой, а она не пришла, обманула, струсил. Наде хотелось рассказать обо всем Ване, но ей было стыдно. Ведь Ваня просто ее знакомый.

19. КРАЖА

Женя стоял рядом с Вале́й. Она держала его под руку, крепко прижимаясь плечом. От нее пахло терпкими духами, и у Жени немножко кружилась голова от этого запаха. Валя, улыбаясь, шептала:

— Ну, как тебе нравится наша прогулка? Жаль только, что ребят встретили. Вот уж не ожидала. Весь вечер они нам с тобой испортили, правда? Толик — он ревнивый...

Жене было приятно, что Валя так откровенна с ним. Конечно, он верен только Наде, но Валя тоже такая симпатичная. Жене нравится быть с ней. Жаль только, что она дружит с Толиком. Для такой хорошей девушки это неподходящая компания.

Толик нахмурился, встретив Валу и Женю на улице. Жене показалось, что он рассердился. Но Валя заговорила с ним так непринужденно, так весело шутила, что Толик размяк. Женю немного удивило, что остальные ребята, Костя-Бумба и Васек, как-то необычно молчаливы и мрачны.

Они долго шли вместе, кружили по каким-то переулкам, потом остановились у дома с палисадником. Закурили. Через полчаса из дома кто-то вышел. На минуту Жене показалось, что это Ваня, но он отбросил нелепую мысль: откуда здесь взяться Ване! Ему уже надоело бродить и захотелось домой, но он никак не мог выбрать момент, чтобы сказать об этом Вале.

Толик, прислонившись к решетке палисадника, взглянул на часы, осветив их карманным фонариком, и негромко сказал Бумбе:

— Валяйте.

Женя, даже не успев удивиться, увидел, как Бумба и Васек перемахнули через решетку. Толик приподнял Валу, и она тоже легко спрыгнула за ограду. Потом Толик повернулся к Жене и сказал простым, будничным тоном:

— А ты подожди нас.

И тоже скрылся за оградой.

Вот тут-то Женя начал понимать, что они хотят делать. Неужели... Не дыша, он глядел как Бумба, стоя на плечах у Васька, быстро и умело оклеил газетной бумагой стекло, надавил и бесшумно вынул осколки. В образовавшееся отверстие проскользнул Бумба, за ним Васек. У окна с двух сторон притаились Толик и Валя.

Прошло очень мало времени, и Женя увидел, как Валя подхватила большой узел, потом второй. В этот момент откуда-то из переулка подъехала легковая машина. Шофер вылез из кабины, взял из рук Вали узлы, а потом помог ей перебраться обратно через ограду.

Бумба и Васек еще были в квартире, как вдруг раздался приглушенный женский стон. В окне появилась девушка и крикнула:

— Помогите!

Ее голос Жене почему-то очень напомнил Надин. Тут же он увидел, как чья-то рука сзади закрыла девушке рот, и она исчезла. Через минуту Бумба и Васек выпрыгнули из окна.

— Живей! — подтолкнул Толик Женю.

— А что с девушкой? — задыхающимся шепотом спросил Женя. — Убили?

— Дурак! — на ходу отмахнулся Толик. — Будем мы еще себе мокрое дело пришивать!

Едва Женя успел вскочить в машину, как старенькая «эмочка» рванулась вперед. Женя не мог прийти в себя: как голос этой девушки похож на Надин!

А в это время Надя лежала на полу связанная, с кляпом во рту, и перед ее глазами стояло бледное лицо Жени, освещенное луной.

Это был он — она не могла ошибиться!

20. „СПАСИТЕ ЕГО!“

Зина тихонько вздохнула: ну что это, в самом деле? Пришла в семь часов, а Андрея все нет и нет. Это их комната. Андрей получил ее наконец. Вот скоро они поженятся и переедут сюда. Здесь будет уютно, а пока ничего нет, пусто. Уже скоро десять, а она все сидит и сидит на подоконнике и глядит на стены, оклеенные обоями в веселеньких голубых цветочках.

Какая веселая Зина была в семь часов: сидела, болтала ногами, выглядывала на улицу из окна и пела. Она так радовалась, что Андрей приехал из этой затянувшейся командировки, о которой он ничего не рассказывает. Да и вообще он молчалив. Зина никак не может привыкнуть к этому, ей часто хочется рассердиться, но в эти минуты она вспоминает спокойные слова Андрея:

— Ты ни о чем не должна расспрашивать. Пойми, родная, то, что я знаю,— это не мое...

Зина вздыхает. Надо идти домой. Андрей, конечно, уже не придет. Хоть бы позвонил. И она с надеждой посмотрела на аппарат, стоявший на полу. И вдруг он действительно зазвонил. Зина радостно схватила трубку.

— Андрей дома? — спрашивал чей-то взволнованный голос.

— Его нет,— ответила Зина.

И вдруг в трубке раздалось:

— Зина, это ты? Иди скорей домой, ты мне нужна!

Зина положила трубку и побежала к дверям. Ох, и сумасшедшие они оба — и брат, и жених!

Ваня ждал ее у ворот. Он кинулся в нетерпении ей навстречу.

— Я ничего не понял из твоей записки! — закричал он издали.— Кто меня спрашивал? Какая девушка?

— Я ее не знаю,— удивилась Зина.— Она такая беленькая, кругленькая, глаза заплаканные. И шапочка на ней синяя с мехом,— припомнила она.

— Это Надя! — перебил сестру Ваня и побежал.

Зина махнула рукой и вошла в дом: «Бедный Андрюша! Наверное он думает о ней и переживает, что не смог прийти в их новую квартиру».

Если бы только Зина знала, что Андрей совсем забыл о ней в этот вечер! С пяти часов он сидел, запершись с подполковником Василием Ивановичем Осиповым, и говорил совсем о другой девушке.

Портреты Ванды Михай — Валентины Филатовой лежали на столе. Старая фотография из Брест-Литовска, снимок из детского дома, Валентина об руку с лейтенантом Сашей Филатовым, ее фотокарточки, сделанные в тюрьме... Андрей не терял времени зря в командировке. Жизнь этой женщины с двойным именем раскрывалась перед ним целиком.

— Ну-с, каков же ход ваших мыслей? — спросил Василий Иванович, глядя на Андрея.

Ковров, не торопясь, начал излагать свои соображения:

— По-моему, Чистов убит на почве финансовых раздоров. Так бывает между преступниками. Не поделили добычу. Погорячившись, Чистов сказал, наверно, своим друзьям: «Себя не пожалею, а вас засажу, напишу заявление в милицию». Ну, они его и прикончили. Он ведь рециди-

вист, Чистов-то. Еще пятнадцать лет назад темными делами занимался. С ним мне почти все ясно, не понимают только, зачем он эти банки спрятал на чердаке.

— А масло топленое в них было? — спросил Осипов.

— Да, кажется... — растерялся Андрей.

— На кухне-то жарко, — хладнокровно сказал подполковник. — Ну, он и отнес на холодок, чтобы не растаяло, — вот и все, и незачем здесь какую-то тайну искать. Тайна не здесь, понял?

Ковров замолчал и как-то странно поглядел на подполковника.

— Ты что? — удивился тот.

— Погодите, — медленно сказал Андрей. — Я только сейчас понял...

— Что ты понял?

— Понимаете, Крутилин передавал мне содержание своего разговора с дочерью Чистова. Леючка говорила, что вечером перед убийством ее отец вытирал руки полотенцем, на котором после этого остались жирные пятна! Теперь ясно, вы правы. Конечно, он сам отнес эти банки!

Помолчав, Ковров показал на фотографии:

— Мне кажется, что Филатова замешана в убийстве. И вот доказательство: она пыталась натолкнуть нас на заведомо ложный след, запутать Киреева. Старуха-дворничиха, которой нам нет оснований не верить, на всех допросах утверждает, что через двор бежал высокий широкоплечий человек. А Филатова упорно обрисовывает внешность Киреева. Зачем? Очевидно, чтобы выгородить убийцу, своего приятеля. С самого начала ведется наблюдение за ее квартирой, сейчас уже известно, кто у нее бывает, установлены их личности.

— Без определенных занятий? — с интересом спросил Осипов.

— Да нет... Все работают, — отозвался Андрей. — И работают хорошо, судя по отзывам.

— Фамилии?

— Анатолий Шустов, слесарь, Константин Баянов, униформист в цирке, Василий Смирнов, ученик столяра в лыжной мастерской. И еще есть один приятель у Филатовой, — помолчав добавил Андрей. — Из наших. — Следователь поднял голову и посмотрел на своего начальника:

— По вашему заданию туда ходит старшина Леонтий Серов?

Подполковник пожал плечами.

— Тогда, значит, он с Филатовой связан, — с досадой заключил Андрей. — Отмечено, что бывает всегда один. С компанией, по-видимому, незнаком.

— Кавалер! — брезгливо сказал Осипов. — Завтра я его вызову! Продолжайте...

— Мне кажется, — твердо заявил Ковров, — что убийцу надо искать среди этих людей. Особое подозрение на Анатолия Шустова: широкоплеч, высок. Не его ли видела дворничиха в два часа ночи во дворе у Чистова?

— Что предлагаете? — спросил подполковник.

— Пора арестовать Филатову. К ней все нити ведут. Опасно оставлять ее на свободе!

— Быстро вы все решаете, молодежь, — вздохнул Осипов. — А про советские законы забыли? Какое же мы имеем право задержать Филатову, не располагая прямыми уликами? Мало ли что в заключении была. Оттуда и настоящих людей много выходит. Некоторые начинают свою жизнь также плохо, как она, да исправляются. А компания... Что ж, женщина общительная, любит повеселиться, гостей принять. Наконец, просто жениха ищет! Может быть, и по-иному все... Но в том и другом случае нельзя ее сейчас арестовывать. С выводами еще успеем. А пока надо действовать хладнокровно и до конца раскрыть ее жизнь. Вот этим и займитесь.

— Есть! — уныло отозвался Ковров и начал собирать бумаги. Подполковник внимательно посмотрел на него и улынулся:

— Не надо вешать нос, — сказал он уже неофициально. — Вы отлично поработали в Бресте и Пружанах. Вот и продолжайте так же... Слушайте, Андрей, а как ваш дружок поживает, Ванюша? Хороший, видно, парень. Ничего нового он не разузнал на заводе о Чистове?

— Я его еще не видел, — вздохнул Ковров. — Даже в комнате своей новой побывать не успел. Ох! — спохватился вдруг он. — Да ведь там меня невеста ждет!

— Так чего ж вы здесь сидите? — неодобрительно спросил Осипов. — Тоже мне, женихи пошли...

Андрей, простившись, ушел. Подполковник закурил и задумчиво зашагал по кабинету. Он думал об этом запутанном деле. Убийца не найден. Ковров — молодой, способный, и его версия достаточно убедительна... Но опыт подсказывал Осипову, что в рассуждениях Андрея есть ка-

кой-то изъян. Пятнадцать лет тому назад Чистов был связан с преступной шайкой, это так. Но последние годы? Работал на заводе, слыл замечательным мастером, женился, дочку воспитал... Как-то плохо вяжется. С другой стороны, эта Филатова. Конечно, надо прошупать ее друзей, присмотреться к ней самой. Подполковник притянул к себе бумаги.

«Молодые все. Анатолию Шустову — двадцать два. Константино Баянову — двадцать. Василию — восемнадцать лет, а Филатовой... М-м да! Ей тридцать два. Странная дружба. Нет, пожалуй, жениховством тут и не пахнет!» — подумал он.

Кто-то стукнул в дверь. На пороге стоял дежурный:

— Товарищ подполковник, к вам женщина.

— Кто?

Дежурный помялся:

— Плачет, не говорит. Только одно твердит: «Пустите к главному начальнику».

— Проводите ее, — коротко приказал Осипов и сел в ожидании. За дверью послышались шаги. Вошла сгорбленная женщина. Платок сползал, обнажая разметающиеся в беспорядке волосы. По щекам текли слезы. Женщина вытирала их, а они снова текли.

— Что с вами? — участливо спросил Осипов. — Сядьте, успокойтесь.

Но старая женщина вдруг закричала надрывно и жалко:

— Спасите его, товарищ начальник! Спасите мальчонку! Кого ж они из него делают! Я уж старая, мне не жить... Теперь вечер. Они, небось, уже все там! И ведьма ихняя, змея подколотная. Вещей чужих полно. И под лестницей узлы... Может, и убили кого!

Задыхаясь, она прислонилась к стене. Василий Иванович налил воды, усадил женщину в кресло. Из ее бессвязной речи он понял только одно: кто-то из ее близких совершил преступление. К ней в дом, видимо, принесли похищенные вещи.

— За кого просите? — спросил он негромко, осторожно. — Кого спасти хотите? Сына?

В глазах женщины мелькнуло отчаяние:

— Нет у меня сына, давно нет! Муж немцам проданся, людей обирал и сына тому же выучил... Вырос людям на несчастье. Никого не жалеет. Я все молчала, думала, опомнится, боялась. Грозился — убью. А теперь не боюсь. Не могу видеть, как они мальчонку...

— Адрес? — спросил Осипов, так и не поняв, что она хочет. Она слишком волновалась, эта женщина, и ее мысли путались. Он чувствовал, что сейчас посетительница больше ничего не скажет. Осипов обратился к вошедшему дежурному:

— Наряд из трех сотрудников на машину — и по этому адресу. Возьмите ордер на обыск. Подозрительных задержать.

Женщина снова заплакала:

— А мне куда ж, товарищ начальник?

Осипов секунду колебался:

— Товарищ Петров, — вернул он дежурного, — проводите гражданку в кабинет Коврова. Пусть пока приляжет там на диване, и велите чайку вскипятить.

Посетительница, шатаясь, поднималась по широкой лестнице на третий этаж. Дежурный открыл дверь в большую светлую комнату. Тетя Маша села на кожаный диван и в изнеможении закрыла глаза.

21. „РУКИ ВВЕРХ!“

Степанида Петровна встретила Ваню причитаниями:

— Все добро утащили и дочку чуть не убили! Вот ее знакомства! Чужало мое сердце!

— Что случилось? — испугался Ваня.

Он вдруг вспомнил: вчера, когда он был здесь, неожиданно погас свет. Надя вскрикнула:

— Опять эти противные пробки! И никто, кроме отца, не умеет их чинить.

Ваня ощупью пробрался в коридор, где уже собрались соседи со свечами. Длинные тени метались по потолку. Ваня давали тысячу советов, и каждый путал его, как мог. Он потрогал пробки и убедился, что с ними все в порядке. Тогда пришлось лезть на чердак и копать в центральной распределительной коробке. Было уже больше двенадцати часов, когда Надя проводила его. На лестнице она сказала ему тихонько:

— Спасибо.

Это взволновало Ваню. Он постоял несколько минут, представляя Надю такой, какой она была только что: в стареньком, вылинявшем халатике, домашняя и простая.

Эх, Женька, Женька!

Ваня вышел на улицу и увидел возле палисадника

неясные тени. Вспыхнул огонек папиросы. «Наверно, пьяные», — подумал Ваня и перешел улицу, чтобы не столкнуться с пьяной компанией: — «Пристанут еще, на завод опоздаешь, смена ровно в час начинается».

...Теперь Ваня стоял перед Степанидой Петровной с бьющимся сердцем. «Наверно, эти неизвестные и совершили ограбление! Зря, зря поторопился, ушел...».

Надя, услышав Ванин голос, выбежала из комнаты. Лицо ее слегка припухло, на шее виднелась длинная царапина. Не обращая внимания на крики матери, она коротко описала Ване все, что произошло ночью после его ухода. В Надиных глазах Ваня подметил невыразимую боль. Видимо, что-то мучило ее.

Он тихонько сказал ей, когда Степанида Петровна, продолжая голосить, ушла убирать следы ночного разгрома:

— Может, выйдем, поговорим?

— Конечно, — заторопилась она. — Я была у тебя, но не застала.

Они вышли, и у палисадника, там, где вчера Ваня видел группу подвыпивших парней, Надя вдруг сказала четко и раздельно:

— Он был с ними.

Ваня долго молчал. Наконец тихо спросил:

— А ты не ошиблась?

Надя строго посмотрела ему в глаза:

— Луна светила ему прямо в лицо!

— Ты сказала об этом кому-нибудь?

— Нет! Я еще и в милицию не ходила. Мама там была, а я не хочу туда идти, не хочу, понимаешь?..

— Так. Ну, я пошел! — внезапно сказал Ваня и зашагал прочь.

Он шел к Жене, к другу. Шел, чтобы, наконец, узнать всю правду. Если Женька попал в воровскую компанию, разве не виноват в этом и он, Ваня? Как он мог равнодушно отнестись к судьбе товарища, к истории с расческой? Чего он, собственно, выжидал? Чтоб Женя запутался еще больше? Что ж, он, кажется, дождался!

Ваня почти добежал до знакомого двора и еще на лестнице услышал громкие голоса. Он остановился у двери.

...Сегодня у Толика был тяжелый день. Началось с того, что взбунтовался Женя.

— Вы убили ее! — начал он кричать еще вчера в машине. — Вы бандиты! Высадите меня!

Его пришлось как следует стукнуть, только тогда он притих. Дома он, не раздеваясь, заявил, что сию минуту уходит в общежитие. Спасибо Вале, она подсела к нему, обняла, налила стаканчик водки. Выпив, он уснул одетый на кровати и проспал до самого вечера.

Днем, на работе, куда Толик пришел совсем разбитый, мастер сухо сказал, что не потерпит больше никаких отлучек.

— Или работай, или увольняйся, тут срочные заказы, а тебя с собакой не сыщешь!

Наконец, куда-то исчезла мать. Он так привык видеть ее, бессловесную, приниженную, неотлучно возле себя, и вдруг дом опустел. Но ему некогда было задумываться над этим, потому что события разворачивались с какой-то непонятной быстротой.

Когда Толик совсем было собрался идти разыскивать мать — должен же он хоть поужинать — ввалились Бумба и Васек. Они были злые и решительные. Толик не мог понять, какая их муха укусила.

— Ну как, нашли перекупщицу? — спросил он.

— Как же! — ответил Васек. — Дожидалась она нас! Уже четвертый день сидит!

— А к этому ларечнику заходили, что на площади торгует.

— Он нас и знать не хочет, твой ларечник! — отрезал Бумба. — «Что вы, что вы мальчики, я с вами не знаком, проходите, проходите».

— Ничего, мы других найдем, — попробовал успокоить их Толик, но приятели переглянулись, и Бумба грубо заявил:

— Чтoб ты знал, — баста!

— Интересуюсь, — насмешливо протянул Толик, скрывая ярость, — может вы уже и в милицию сбегали?

Бумба, сжав кулаки, шагнул вперед, но Васек остановил его:

— Брось, к чему! — потом повернулся к Толику. — Мы пришли в последний раз.

— И от доли откажетесь? — издевался Толик.

— Откажемся! — твердо ответил Бумба. — Мы и вчера не хотели, все Валька твоя... Продавай сам эти тряпки и бери себе все!

— Я вчера эту девчонку вовсе не больно схватил, не знаю, чего она так закричала! — сказал вдруг Васек беспокойно. — И вообще, сколько можно! Я жениться хочу.

Соня мне верит, думает, я и вправду знаменитый столяр... Отец мой помрет, если узнает, у него сердце больное.

— Короче — точка! — мрачно закончил Бумба.— Всем нам скоро конец. Думаешь, мне охота нары боками противиться? Меня в цирковой номер берут, на жонглера учат. Я еще, может, артистом буду! Ты не сердись, Толик,— упавшим голосом сказал он.— Мы давно решили.

— Ах, какие молодцы! — насмешливо протянула Валя с дивана, где она лежала, перелистывая журнал мод и исподтишка следя за необычной сценой.— Все равно вы теперь в мешке! Два ограбления... А про склад забыли? Я вам лучше вот что предложу, мальчики,— вкрадчиво понизила голос Валя,— давайте последнее дельце вместе провернем и тогда уж бросим!

Проснувшийся Женя поднял голову и прислушался. Валя присела к столу и продолжала ласково, как умела только она:

— Я с вами согласна, мальчики, но жаль упускать такую работу! Золотой гобелен — это тебе, Бумба, не кошелек, который ты из кармана тогда вытянул! Вот заберем его, разделим и — в разные края! Женя к отцу в Ала-Тау, Бумба слонов дрессировать будет,— она засмеялась, показав ровные зубы.— Васек дачу купит для жены. Толик, а тебе что больше нравится — «Москвич» или «Победа»?

Толик, который понимал и оценивал ее тонкую игру, ответил лениво:

— «Победа» вроде вместительней.

Женя молчал, снова испытывая знакомое безвыходное отчаяние. Они считают его за своего. Спокойно при нем обсуждают план новой кражи. Он тоже вор... Ну нет, он сейчас скажет им... Женя вскочил и крикнул, обращаясь к Бумбе:

— Так конца не будет! Я вам больше не товарищ! Я ...

— Что ты? — сузив глаза, спросил Толик и опустил руку в карман.— Продашь?

Женя не успел ответить. Все глаза обратились к двери. Там в беспечной позе стоял Ваня. Словно не замечая никого, кроме друга, он сказал:

— Выйди, Женя, поговорим.

Воцарилось угрожающее молчание. Не вынимая руку из кармана, Толик плечом заслонил Женю и прошипел:

— Ты смотри, бригадмилец!

Но Ваня опять словно не заметил его.

— Выдь-ка,— повторил он требовательно, и Женя в общей тишине прошел через комнату.

Первым опомнился Толик:

— Сейчас всех заложит!

Валя, спокойная, как всегда, встала:

— Пройдусь за ними...

В комнате наступила тишина. Минуты три все молчали.

— Так как насчет гобелена, братки? — наконец заискивающе спросил Толик. — Ох и силен гобелен!

— Ну и бери его себе! — отрезал Бумба. — Пошли, Васек!

Они повернулись, но от дверей раздалась короткая, сухая команда:

— Руки вверх!

22. ТОТ, КОГО ОНА БОЯЛАСЬ

Валя сидела в небольшом номере гостиницы «Балчуг» и плакала. Напротив нее развалился в кресле высокий, плечистый немолодой человек и молчал.

— Скоро это прекратится? — сурово спросил он наконец.

Не отвечая, она уткнула лицо в спинку дивана. Толика взяли! Она, может быть, не увидит его больше никогда. Она не может жить без него. Ей ничего не нужно, она ко всему безразлична, когда его нет. Зачем теперь ей все?

— Прекрати! — грубо сказал мужчина и встал. — Нечего распускать нюни из-за мальчишки! Немало еще найдется таких. Ну, подойди ко мне.

Он обнял ее небрежным движением, и она на миг приникла к его плечу.

— Ступай,— сказал он, пытаясь смягчить свой резкий голос. — И делай так, как я сказал.

Он поцеловал ее, и она ушла.

На улице Валя придала лицу беззаботное выражение. Она вспомнила недавние наставления: «Иди быстрее домой. Бери отпуск. Надо встретиться с участковым и взять у него оружие. Скажи ему, что тебе страшно одной в комнате или что к тебе пристают на улице. В общем, придумай что-нибудь... В крайнем случае вынь из кобуры, когда спать будет, и припрядь. Он не посмеет донести. У тебя есть, чем

пригрозить ему. Дело сделаем вдвоем, раз остальные провалились. Говорил я, напрасно на них надеялись. Завтра надо уезжать...».

Валя вошла в домоуправление, села за свой столик и начала писать заявление об отпуске. У нее было скромное и спокойное лицо усердного, внимательного делопроизводителя.

А человек в гостинице разговаривал по междугороднему телефону. Его вызвали из Фрунзе.

— Слушаю, Михаил Семенович!— кричал он в трубку.— Все будет в порядке, не беспокойтесь. Так, как вы приказали, закупил недостающий инструмент. Для этого справку пришлось брать у Жукова. Не хотел давать, да я уговорил. Завтра выезжаю. Уже билет в кармане. Федор Степанович вам передает привет. Был у него в больнице. Поправляется. Может, еще сам к нам придет через месячишко... Что? Нет, Михаил Семенович, сынка вашего еще не видел... Ну, будьте здоровы, скоро встретимся!

Он вешает трубку и улыбается. Вынимает из кармана справки: хорошие, добротные, честные справки — не какая-нибудь липа. «Коцарь Максим Максимович является сотрудником научно-исследовательской экспедиции профессора Ремизова. Ему поручено сопровождать из Москвы ценный экспедиционный груз».

Он поедет к профессору и повезет тяжелые ящики. В них будет лежать инструмент, без которого не может работать ни один археолог, и еще кое-что... Оно займет немного места. Вот только Валентина раскисла и медлит. Но ничего! Он, кажется, сумел привести ее в чувство.

Всю ночь Ваня и Женя бродили по городу. Спящая Москва окружала их. Арбат стелился пустынной лентой, и было странно видеть, как на перекрестках одиноко гасли и зажигались светофоры. Редко пробегала, скрипя шинами, запоздалая машина, и тогда в окнах легонько дребезжали стекла.

Друзья не знали, который час. Они не заметили, как вокруг посветлело и как опавшие листья, которые черной массой лежали на бульварах, стали вновь желтыми и багряными. В неверном свете утра стало заметнее, как осунулось и похудело лицо Жени.

Когда все было рассказано и объяснено, Ваня промолвил:

— А теперь ты должен пойти к Осипову.

— Но я даже не знаю, где было ограбление, — устало заметил Женя. — Я не найду того дома.

Ваня посмотрел на него. Как, он не знает? Не может быть! Ваня промолчал.

— Ты никогда не провожал Надю домой? — задал он неожиданный вопрос. Женя удивился: с чего это вдруг Ваня вспомнил? Уж не ревновать ли вздумал? Нашел время.

— Нет, — ответил он. — Она не разрешала мне ходить дальше трамвайной остановки: матери боялась.

— Ограблена Надина квартира! — пряча глаза, сказал Ваня. Ему стало очень жалко Женю. А тот, схватив его за руку, закричал срывающимся голосом:

— Скажи, что ты шутишь, этого не может быть! А она... она не видела меня?

И тут впервые Ваня солгал другу:

— Нет, — сказал он твердо. — Не видела.

Женя потер ладонью висок.

— Что теперь делать? — спросил он беспомощно.

— Не трусить! — жестко отозвался Ваня. — Стань, наконец, человеком. И сегодня же утром иди к Осипову.

Они посмотрели друг на друга, и Женя вдруг побледнел:

— Я боюсь, — сказал он с трудом.

Ваня взял его за плечи, как бывало в детстве:

— У нас с тобой нет другого выхода!

Ване надо было идти на завод, а Женя, оставшись один, снова ощутил полное отчаяние. Сейчас он не смог бы уже пойти в милицию. Нет, ни за что! Когда рядом Ваня, — другое дело. «Трус, трус!» — повторял он себе, но понимал, что это только слова, что он так ничего и не сделает.

Вдруг к нему пришла спасительная мысль: «Уехать к отцу, туда, в Ала-Тау! Пусть здесь все заканчивается без меня. Если решат, что я виноват, — все равно найдут, но это будет позже, не сейчас...». Он быстрыми шагами направился по знакомому пути.

В 9 часов утра Женя постучал в кабинет Жукова. Тот не скрыл удивления при виде сына профессора Ремизова. Маленькие глазки с нездоровым любопытством оглядывали юношу. «Неужели пьет? Рановато!» В ответ на умоляющие Женины слова Жуков равнодушно приподнял плечи:

— Если уж вам, молодой человек, непременно хочется попасть в эту экспедицию, поезжайте вместе с сотрудником вашего отца!

Он заглянул в телефонную книжку, назвал фамилию и адрес: «Максим Максимович Коцарь, гостиница «Балчуг».

Женя, как на крыльях, летел в гостиницу. Конечно, этот сотрудник возьмет его с собой!

Когда Женя постучал в дверь, ему почудился легкий шорох. Густой мужской голос сказал, повременив:

— Да.

Женя вошел и торопливо заговорил. Высокий человек молча слушал. Жене казалось, что он участливо глядит на него. А Коцарь между тем холодно прикидывал: «Вот еще номер! Навязывается, щенок. Не помешал бы! Но вообще-то это забавно: собственный сынок профессора помогает сотруднику экспедиции привезти дорогой груз... Нет, это, пожалуй, даже неплохо! Но надо показать ему, что я не так уж охотно соглашаюсь...». Коцарь посмотрел на часы.

— Позвоните мне часа через два, — сказал он важно. — Я попробую договориться с институтом. Вам ведь и билет нужен.

Женя ушел радостный. Конечно, он уедет к отцу.

Дверь из умывальной приоткрылась и оттуда выскочила взволнованная Валя. Она торопливо рассказала о Жене. Коцарь слушал ее улыбаясь.

— Вот как? Тем лучше! Найдем для него работку! — заверил он гостью. — Вечером вдвоем подъедем с ним к окружному мосту!

Валя удивленно взглянула на него, но ничего не спросила. Она была хорошо вышколена этим человеком. Толик, Бумба и Васек не узнали бы сейчас властной, самоуверенной Вальки в этой тихой и покорной женщине.

— Ступай! — негромко бросил хозяин номера.

Когда через несколько часов позвонил Женя, Коцарь сказал ему ласково:

— Ваши дела в порядке. Едем. Ох, и намаялся я, честно говоря! Хотел было попросить вас помочь, да, вроде, неудобно...

Что вы, что вы! — ликовал Женя на другом конце провода. — Я же свободен. Я рад буду сделать все, что требуется!..

— Так вот. Приезжайте к девяти на Крымскую площадь. Я подъеду на такси, мы завернем на один склад, погрузим кое-что для экспедиции, а оттуда прямо на вокзал. Идет?

— Я буду точно! — пообещал Женя.

Повесив трубку, он подумал: «Прощаться не буду ни с кем. С дороги напишу Ване письмо. И Наде. Впрочем, Ваня и так расскажет ей, что я попал случайно в то гадкое дело. Это лучший выход! Хуже было бы, если бы я явился к Осипову и сразу все выложил. Еще не известно, как он на это посмотрел бы. А так, авось все пройдет мимо, пока буду у отца...».

Так, утешая себя, Женя устремился навстречу новой беде.

23. „КАВАЛЕР“

Узнав фамилии задержанных, подполковник Осипов приказал вызвать Коврова. Андрей приехал немного бледный, с припухшими от короткого сна веками.

— Твои приятели? — усмехнулся Осипов, протягивая ему паспорта. — Тут вещей полмашины. Вчера квартиру ограбили. А главный у них, кажется, Анатолий Шустов, тот, кого ты в убийстве подозреваешь.

Андрей Ковров до утра допрашивал задержанных.

Толик сразу потерял свой беспечный вид. Куда девался его развязный тон! Он трясся, как в ознобе, всхлипывал, кривя губы. Сначала глупо запирался, врал, путал, потом стал сваливать всю вину на дружков, выгораживая себя. Андрей, глядя на него, не мог побороть чувства гадливости. Он был абсолютно уверен, что перед ним убийца Чистова, но не спешил раскрывать свои карты.

Арестованный так и сыпал адресами и фамилиями. Андрей едва успевал записывать. Толик выдавал всех своих старых друзей: спекулянтов, перекупщиков, хозяев квартир, где приходилось ему ночевать и прятать краденое. Конечно, одной из первых была названа фамилия Жени. Карандаш Андрея на секунду застыл в воздухе.

— Разве Евгений Ремизов участвовал в ограблении? — вырвалось у него.

— Так он же нам и наводку давал, — поспешно уверил Толик.

Андрей поставил галочку возле фамилии Жени. Придет-ся серьезно поговорить с Ваней. Завел себе приятеля! Наводчик! А еще заступает, твердит, что Женя честный парень...

Бумба и Васек с первых же слов во всем признались. Они держались просто и были очень подавлены. Бумба в середине допроса вдруг сказал:

— Погорела теперь моя мечта... Я, гражданин следовательно, надеялся артистом стать...

Эта наивная, но искренне прозвучавшая фраза вызвала у Андрея сочувствие, и он сказал, невольно смягчив тон:

— Вы еще молоды, Баянов. Жизнь впереди. Искупите свою вину, и все дороги будут перед вами открыты.

И Васек, и Бумба подтвердили, что Женья Ремизов был с ними. Назвали они и Валентину Филатову. Тогда Андрей приступил к главному. Оставшись наедине с Толиком, он сказал:

— Теперь поговорим о другом. С какой целью вы убили Семена Чистова?

Андрей не мог не заметить, как в расширенных глазах Толика отразились испуг и удивление:

— Я не убивал никого! — пробормотал он побелевшими губами. — Что вы! Это ошибка, гражданин следовательно!

Андрей допрашивал Толика больше четырех часов. Он попеременно вызывал Бумбу и Ваську, устраивал очные ставки. В ходе этих допросов вскрылись новые обстоятельства преступлений. Ковров узнал также о намечавшейся краже гобелена. Все это было важно, интересно, дополняло облик арестованных и картину их преступной деятельности. Но одно становилось Андрею совершенно ясно: Толик и его компания непричастны к убийству. Как ни обидно было Коврову сознаваться в своей ошибке, но приходилось это сделать.

Оставались недопрошенными только Валентина Филатова и Женья. Милиционеры несколько раз отправлялись за ними, но делопроизводитель Филатова, как сообщил управдом, только что выехала в свой очередной отпуск, а Женья исчез, и никто ни в институте, ни в квартире его матери не знал, куда он делся.

Усталый, раздосадованный Андрей вошел в кабинет Осипова. Подполковник внимательно поглядел на него, не задавая вопросов.

— Воры! — вздохнул Андрей. — Просто воры. К убийству не имеют отношения.

Осипов забарабанил пальцами по столу, подумал, потом позвонил:

— Привести ко мне Серова! — и обернулся к Андрею. — Побудьте здесь, пока я поговорю с этим «кавалером». Я, кажется, добавлю кое-что новое в ваши материалы.

Конвоир ввел старшину в форме, но без погон и без пояса. Глаза его бегали.

— Расскажите еще раз, как и кому вы отдали доверенное вам оружие,— сухо приказал подполковник.

Запинаясь, Леонтий начал рассказывать. Все было еще так свежо в его памяти...

Он пришел к Вале, она была нежна и приветлива. Шутила, смеялась, потом вдруг испуганно сказала:

— Ох, совсем забыла... Нынче ночью я по поручению общественности должна пойти в магазин снимать остатки. Я так боюсь идти одна по переулкам! Такие ужасы рассказывают... Дай на одну ночь твой пистолет. Если кто ко мне пристанет, я хоть напугаю.

Леонтий засмеялся:

— Да меня же посадят за это!

— Так ведь никто не узнает! — настаивала Валя. — Утром возьмешь обратно, а пока меня не будет, поспишь здесь, подождешь.

Но Леонтий отказался наотрез. Тогда Валя заговорила о другом. На столе появилась бутылка вина. Леонтий не помнит, как заснул. А когда проснулся, не было ни Вали, ни пистолета. В Валиной комнате и застали его милиционеры, пришедшие за Филатовой, и задержали, несмотря на то, что он был в милицмейской форме...

Когда Леонтий умолк, Осипов махнул рукой конвоиру:

— Уведите!

— Кстати, Ковров,— заговорил он снова после паузы,— нет ли здесь прямой связи? Пистолет, из которого убит Чистов, подброшен к дому Киреева, преступник остается без оружия. А через некоторое время похищается пистолет у работника милиции. И во всех этих делах странным образом замешана Валентина Филатова.

— Я найду ее, товарищ подполковник! — Андрей встал.

24. ВАНЯ ОШЕЛОМЛЕН

Андрей зашел в домоуправление.

— А где же Валя? — спросил он разочарованным тоном, увидев за столом делопроизводителя какую-то незнакомую девушку. Та кокетливо улыбнулась и сказала ласково:

— Что-то в последнее время все ищут Валию. Прямо нарасхват! Уж и отдохнуть нельзя человеку.

— Так понимаете,— вздохнул Андрей,— она со мной в театр пойти обещала,— он показал девушке билеты.

Она с интересом посмотрела: «Свадьба в Малиновке». Это, наверно, так весело! И парень видный. Чудачка, эта Валька! Задается, как школьница, а самой за тридцать!

Андрей мялся у стола:

— Может быть, тогда вы составите мне компанию?

Девушка засмеялась. Вот будет здорово, если Валькин поклонник начнет ухаживать за ней!

— Я, пожалуй, согласна,— снисходительно ответила она.

В тот вечер Андрей вел себя, как заправский кавалер. И чего только не сделаешь для работы!.. Эх, вот если бы рядом сидела Зина! Но ничего не поделаешь.

В антрактах пили газированную воду, ели пирожные. А после спектакля, проводив девушку домой, Андрей уже знал все, что ему было нужно. Ведь Валя Филатова и Раечка — так звали его спутницу — слыли во дворе подружками. Раечка рассказала, как кто-то позвонил Вале по телефону, она заторопилась, вызвала такси и уехала. Через два часа вернулась и попросила у управдома отпуск, уверяя, что заболела ее родственница и той нужна сиделка.

...Номер машины, которая по вызову Филатовой выезжала в Теплый переулок, Ковров установил без особого труда. Он тут же попросил диспетчера передать шоферу Басаргину, чтобы тот зашел в отделение. Басаргин в это время находился на линии и диспетчер быстро передал ему просьбу Коврова.

Шофер вошел в кабинет немного встревоженный: ведь не очень-то приятно, когда тебя вызывают в милицию, особенно, если ты — водитель. Он присел на стул и добросовестно рассказал Андрею все, что вспомнил о пассажирке, которая вызывала такси в Теплый переулок.

— В «Балчуг» я ее доставил. Вроде торопилась очень!

— Точно ли в «Балчуг»? — переспросил Ковров. — Учтите, это очень важно.

Шофер подумал и твердо ответил:

— Туда, товарищ начальник!

Андрей решил захватить с собой на операцию двух сотрудников и Ваню. Подъехав к его дому, Андрей, стараясь не стучать сапогами, вошел в комнату и растолкал Ваню, крепко спавшего после ночной смены. Тот торопливо принялся одеваться, как всегда, не задавая вопросов. Минуты через четыре они тихонько вышли из квартиры. Андрей, от-

став, заглянул за ширму: так захотелось шепнуть Зине что-нибудь ласковое, объяснить, почему он вчера опять не пришел, но Зина безмятежно спала, подложив под щеку кулачок. Торопливо оглянувшись, Андрей осторожно поцеловал ее.

В гостинице было не так-то просто навести справки о Вале: мало ли девушек проходят по коридорам за день! Но Андрей вспомнил рассказ шофера, который и помог ему в поисках:

— Сумочка у нее какая-то необычная, вроде из крокодиловой кожи...— говорил шофер.

Он надеялся, что любопытные горничные не пропустили необыкновенную сумочку, и не ошибся. Девушка, работавшая на третьем этаже, узнав, что этот симпатичный молодой человек разыскивает сестренку, внимательно выслушала описание Вали и, когда Андрей упомянул про сумочку, обрадованно закивала:

— Как же, как же, заметила! Действительно, очень оригинальная, с золотой застежкой... Кажется, в сорок третьем номере была ваша сестра.

Андрей и Ваня спустились к администратору. Ковров поинтересовался, кто живет в сорок третьем номере. Фамилия Коцарь ему ничего не сказала. Тогда он попросил паспорт постояльца и, несмотря на свою обычную сдержанность, едва не вскрикнул: с фотографии на него глядело знакомое, хотя и постаревшее лицо...

...Женя сидел в кабине рядом с шофером грузового такси. Коцарь предупредительно усадил его туда, а сам забрался в кузов. Чем дальше ехала машина, тем пустынее становились улицы, меньше дома, реже встречались фонари. Женя никогда не бывал в этих местах. Миновали окружной мост, и Коцарь постучал в кабину. Шофер затормозил.

— Пойду разыщу этот склад,— деловито сказал Коцарь,— я ведь здесь в первый раз. А вы обождите.

Он угостил шофера папиросой и, не торопясь, зашагал в темноту.

Сидеть было скучно, и Женя разговорился с шофером. Неожиданно они разоткровенничались, как это нередко бывает при таких случайных встречах. Женя рассказал, что уезжает к отцу в Ала-Тау сегодня же ночью и билет у него в кармане. Оказалось, что шофер служил в тех краях в пограничных войсках. Они потолковали о горах, об охоте. Женя чувствовал себя уютно и спокойно, как не было с ним уже

много дней. Он думал: «Какое счастье, что нашелся Коцарь. Сразу отошло далеко все: и Толик, и Валя, и весь этот ужас, в котором он жил последнее время. Как хорошо, что он больше никогда не увидит их всех!».

Он и не подозревал, что совсем рядом, в каких-нибудь ста метрах от него, притаившись на чердаке пустой мастерской, сидит Валя. Она пришла сюда еще днем с экскурсией, по билету, который достал для нее знакомый студент. Пока экскурсанты рассматривали гобелен, Валя незаметно прошла на чердак и спряталась. Она слышала, как все ушли из мастерской, и лишь в проходной будке остался часовой.

Когда все стихло, она спустился вниз, нашла комнату, где на станках был растянут гобелен с золотыми нитями, и стала ножом безжалостно обрывать его. Валя скатала два больших рулона, волоком втащила их на чердак и, припав к маленькому слуховому окну, напряженно вгляделась в темноту.

Внизу раздались шаги часового — неторопливые, размеренные. Валя выдернула из сумочки пистолет, готовая ко всему... Потом поняла: часовой обходит помещение. Она усмехнулась. Он ничего не обнаружит. Ведь она снова опечатала сургучом вскрытую дверь. Шаги умолкли, и Валя сунула пистолет в сумочку.

На пустыре появилась неясная тень. Валя зажгла карманный фонарик и взмахнула им три раза. Фигура на пустыре не шевелилась. Там поняли сигнал. Валя посмотрела в сторону проходной будки, прислушалась. Тишина. Очевидно часовой после обхода мастерской вполне успокоился, а возможно даже позволил себе вздремнуть. Теперь надо было через слуховое окно спустить вниз на веревке тяжелые рулоны. Валя с трудом удерживала этот проклятый гобелен. Она обдирала кожу на руках, но, стиснув зубы, терпела боль. Наконец все кончено. Валя притянула к себе ставшую легкой веревку и присела на пол. У нее от усталости и волнения тряслись руки. Но медлить было нельзя. Филатова проверила, хорошо ли закреплена веревка и, поколебавшись несколько секунд, вылезла на крышу.

Внизу ее ждал Коцарь. Рулоны уже были связаны вместе и обернуты в рогожу. Коцарь взвалил куль на плечо и двинулся к машине, а Валя побежала в другую сторону. Она не стала прощаться. Ведь через несколько часов они встретятся. Она едет в том же поезде, только в другом вагоне, чтобы ее не заметил Женья. Так уговорились.

...А Женя, увидев Коцаря, согнувшегося от тяжести, выскочил из кабины, и теперь они уже вдвоем потащили тяжелый куль. Они шли тяжело дыша, не замечая, что к грузовику с другой стороны приближаются какие-то люди.

Коцарь перекинул ношу через борт и вдруг заметил людей. Оттолкнув Женю, он кинулся в кабину, схватил шофера за плечо:

— Гони! Сто рублей получишь!

Шофер недоумевающе смотрел на него. В бешенстве Коцарь схватился за карман, но вспомнил, что Валя забыла в спешке передать ему пистолет. Шофер, заметив его движение, быстро открыл дверцу и выскочил из машины. Тогда Коцарь сам схватился за руль, но мотор не завелся: шофер успел вынуть ключ. В бессильной ярости Коцарь скрипнул зубами. В этот момент свет электрического фонаря ударил ему в глаза. Он невольно зажмурился и услышал холодное, спокойное приказание:

— Вылезайте!

Шатаясь, он ступил на землю. Люди в штатском и в милицмейской форме окружили машину. Коцарь понял — бегство невозможно. Андрей еще раз осветил его лицо.

— Следуйте вперед, гражданин Коцарь! — сухо сказал он. Коцарь вздрогнул, дико посмотрел на него. Как, они знают его фамилию?..

Ваня весь горел от удачи друга и вдруг увидел в кузове чью-то согнувшуюся, жалкую фигуру. Стараясь подражать Андрею, он подошел вплотную к борту и сказал, как мог жестче:

— Вылезай!

Тот, в кузове, словно замер. Тогда Ваня, встав на колесо, схватил человека за плечо и едва не слетел вниз: на него глядело испуганное, несчастное лицо Жени...

25. „НЕ МОГ ОН ЭТО СДЕЛАТЬ!“

— Не мог он это сделать, понимаешь, не мог! — почти крикнул Ваня.

Андрей сумрачно молчал. Какой все-таки Ваня доверчивый. Уперся на своем: «Не виноват Женя». Этот Ремизов третий раз участвует в воровских делах, а Ваня все еще считает его невинной жертвой. Конечно, может, Женя и не

матерый преступник, как Коцарь, и не так испорчен, как Анатолий Шустов, но все же он принимал участие в кражах и должен быть наказан. Возможна одна случайность, ну, а другая, третья? Здесь видна явная закономерность. Что бы ни говорил Ваня, Ковров поступит так, как подсказывает ему совесть следователя.

— Ремизова необходимо судить по всей строгости закона! — спокойно ответил Ковров и встал. Хватит. Он не станет больше обсуждать этот вопрос! Вчера Андрей уже поссорился с Зиной, предупредив жену, что никогда не позволит ей влиять на его решения. А сегодня вот Ваня не отстаёт от него с утра...

— Пойми! — горячо говорил Ваня, не желая замечать, что Андрей встал. — Я знаю его много лет. Я только вчера с ним разговаривал. Он не вор и не преступник. Он просто трус!

— Каждый преступник прежде всего трус! — сердито заметил Андрей. — В конце концов ты, собственно, чего хочешь? Выпустить его я не имею права!

— Имеешь! Это не только твое право, но и твой долг! Ты можешь взять у него подписку о невыезде, — горячо просил Ваня. — Я сам за него поручусь. Нельзя, чтобы он сидел вместе с ворами и бандитами!

— Ладно, — устало кивнул Ковров. — Я поговорю с Осиповым.

Ваня ушел расстроенный. Как доказать, что Женя не виноват, если все, словно нарочно, складывается против него? И потом, действительно, каким образом он попал в машину к Коцарю?

По пути в милицию Женя успел рассказать Ване:

— Я ни в чем... понимаешь, ни в чем не виноват! Вот увидишь!

Нет! Женя не лжет! Но что все это означает?

Андрей сдержал свое слово. Он в тот же день попросил подполковника Осипова отпустить Ремизова до суда, взяв у него подписку о невыезде. Но неожиданно Осипов сказал:

— Обожди, обожди, Ковров... Тут, понимаешь, новые ниточки твоего Ремизова опутывают.

— Какие ниточки? — не понял Андрей.

Осипов протянул ему письмо, отпечатанное на машинке. Ковров прочел: «Я знаю, кто убил Чистова. Сделайте обыск в квартире Евгения Ремизова, проживающего...» Дальше стоял адрес. Подпись отсутствовала.

— Вот, полюбуйся! — подполковник взял со стола какой-то предмет и протянул Андрею. Тот недоумевающе вертел в руках ключ на медной цепочке.

— От квартиры Чистова, — пожал плечами подполковник. — Помнишь? Преступник запер дверь снаружи, так что ее взламывать пришлось. Конечно, письмо анонимное, но надо иногда и такие проверять. Ведь некоторые люди, желающие нам помочь, не хотят по различным соображениям открывать свое имя.

— Где же был найден этот ключ? — с волнением спросил Андрей.

— У Евгения Ремизова под подушкой! Да, да! Я и сам, признаться, был удивлен.

Этого Андрей уже никак не мог ожидать. Он сел и угрюмо уставился на блестящий ключ. А подполковник, словно не замечая его замешательства, продолжал:

— Я запросил дело Ремизова из 49-го отделения. Там он записался, врал. Возможно, он и в краже часов участвовал. Компания-то здесь одна! Посмотри-ка дело, допроси Ремизова.

— Есть! — мрачно отозвался Андрей. Ну, теперь он проучит Ваню! В тот же вечер между друзьями произошел серьезный разговор.

— Так, значит, ты вполне уверен в Жене? — спросил Ковров, не глядя на Ваню.

— Как в себе!

Андрей усмехнулся и сердито сказал:

— Ключ от квартиры Чистова, исчезнувший в день убийства, найден под подушкой у твоего дружка!

Ваня молчал. Взгляд его стал растерянным.

— Улики говорят о том, что в час ночи 12 октября Ремизов вместе с убийцей проник в квартиру, — продолжал Ковров.

— Когда? — вдруг переспросил Ваня и приподнялся. — Да он же никак не мог оказаться в доме Чистова в час ночи. Я хорошо знаю, где он был в это время!

— Где? — насторожился Андрей.

— Он ходил в театр с одной девушкой. Я провожал их. Ты сам встретил меня тогда у театра.

Андрей задумчиво повертел в пальцах папиросу:

— А она сможет это подтвердить?

26. ПРОБУЖДЕНИЕ

Об аресте Жени Лидия Ивановна узнала от соседей. Она возвращалась домой из театра веселая, нарядная. И вдруг в коридоре старуха-бухгалтерша сказала горестно: — Допрыгался Женька!..

Лидия Ивановна гордо прошла мимо, не обратив внимания на ее слова. Но у себя в комнате она присела на диван и заплакала сердитыми слезами. Конечно, обо всем узнают в министерстве и будут донимать вопросами, почему да отчего. А Михаил... он всем скажет, что виновата мать. Нет! Она завтра же пойдет и в милицию, и к прокурору... Она сумеет доказать, что ее сын не какой-нибудь босяк, и никто не имеет права его так взять и арестовать, даже не спросив ее, Лидию Ивановну.

...Андрей встретил Лидию Ивановну приветливо. Он слышал о ней кое-что от Вани, но не ожидал, что это женщина еще так молода и привлекательна. Неужели она заставила Евгения уйти из дома.

Лидия Ивановна начала говорить еще с порога:

— Разве так воспитывают молодежь? Разве допустимо по какому-то неясному подозрению...

Андрей мягко перебил:

— Мы никогда никого не арестовываем без достоянных оснований.

— Чепуха! — капризно сказала Лидия Ивановна.

Андрей рассердился. Он встал, потом сел. Как она смеет таким тоном разговаривать здесь! Ведь она виновата в случившемся не меньше, чем ее сын!

— Нет, не чепуха, гражданка Ремизова! — с трудом сдерживаясь, чтобы не наговорить резкостей, отчеканил Андрей. — Речь идет об очень серьезных делах. Ваш сын встал на преступный путь. А вы до сих пор считаете это чепухой. Вы всю жизнь так относились к Жене. Чепуха, что ваш сын уходит из дома неизвестно куда, чепуха, что он пьет неизвестно с кем и на чьи деньги, чепуха, наконец, и то, что он участвует в краже!

— В краже? — растерялась Лидия Ивановна.

Андрей, чуть остыв, спокойно закончил:

— Равнодушие в семье, как показывает наша практика, приводит ко многим бедам. Мне хотелось бы, чтобы вы подумали об этом. А пока, что же я могу вам сказать? Следствие еще не закончено.

Лидия Ивановна молчала, опустив голову. Ей хотелось протестовать, доказывать. Но почему-то она не могла. Она чувствовала страшную робость перед этим строгим следователем, который был лишь немного старше ее Жени.

Дома Лидия Ивановна, даже забыв раздеться, постучалась к соседке:

— Я была у следователя. Вы знаете, он сказал, что Женья в самом деле виноват! Я этого не переживу!

И старая женщина, которая любила Женю и внутренние осуждала Лидию Ивановну, увидела в ней впервые за несколько лет потрясенную горем мать.

— Давайте-ка выпьем чайку,— мягко сказала она. — Пальто-то снимите. Я адвокату позвоню: есть у меня знакомый. Посоветуемся.

— Я потом приду,— с трудом ответила Ремизова. — Я немножко полежу: что-то голова закружилась.

Уже в дверях она добавила тихо:

— И не зовите меня к телефону, если позвонят. Нет дома.

Наступила ночь, в квартире все давно спали, а Лидия Ивановна лежала на своей широкой кровати и без конца переворачивала горячие подушки. Она остро сознавала свое одиночество, думала о неудавшейся и запутанной жизни. Она зажгла свет и стала писать письмо человеку, которого когда-то так незаслуженно обидела, который любил ее и многое прощал.

Она написала Михаилу Семеновичу письмо, и впервые оно не было лживым, как ее прежние письма.

...Михаил Семенович получил его на почте при вокзале, куда ходил встречать своего помощника Коцаря с инструментами и не встретил.

Письмо потрясло его. Он перечитывал его снова и снова и ничего не понимал. Как же могло это случиться? Ведь он ходил к сыну, видел, где тот живет. Значит, чего-то не доглядел, не понял? Почему же тот симпатичный паренек не уследил за Женей?

Михаил Семенович зашел в буфет, взял бутылку минеральной воды. Он пристально и долго глядел в стакан, где, пузырясь, кипела влага. Нет! Надо разобраться. Его сын арестован. Но что он натворил? Лида сама ничего не знает. В ее письме столько отчаяния! И она пишет ему так, как будто между ними ничего не произошло.

Михаил Семенович отодвинул стакан. Как он мог уехать, не повидав Женю? Он считал, что, посылая деньги, выполняет свой отцовский долг. Легко же он добывал себе душевный покой! Ну что ж, значит теперь надо прервать экспедицию, лететь на самолете в Москву и спасать сына, если его еще можно спасти.

В вестибюле гостиницы Ремизова встретил сияющий Яковлев. Он размахивал телеграммой и кричал:

— Отпущены средства на экспедицию! Наш отпуск кончился, понимаете? Кончился! Вы назначены начальником. К нам на помощь выезжают студенты-практиканты, археологи. Есть письмо от Федора. У него в больнице побывал работник академии, разговор шел о вас.

Михаил Семенович слушал его со странным выражением на лице. Вот и сбылось то, о чем он мечтал многие годы. И это пришло в ту минуту, когда стало ясно, что он бездушный и черствый человек, погубивший собственного сына.

Профессор сказал удивленному Яковлеву:

— Я, голубчик, не могу быть начальником экспедиции. Не мне людьми руководить. Это уж теперь вам придется... А я... Вот!— он протянул ему письмо Лидии Ивановны.

Яковлев читал и лицо его мрачнело. Наконец, он сказал:

— Вы правы, Михаил, вам нужно быть там!

...Утром, опустив письмо мужу в почтовый ящик, Лидия Ивановна возвращалась домой. На лестничной площадке ее дожидалась хорошенькая, нарядно одетая женщина. Она сказала, что встречалась с Женей в студенческой компании, что очень огорчилась, узнав о случившемся, и зашла к Лидии Ивановне, чтобы выразить ей сочувствие, а кстати узнать, не нуждается ли она в чем-нибудь.

Лидия Ивановна была растрогана. Она предложила ей чаю, но женщина, смущаясь, попросила принести ей стакан холодной воды:

— Мама селедкой накормила,— слегка покраснев, призналась гостья.

Лидия Ивановна вышла на кухню, а Валентина Филатова, торопливо оглядевшись, подошла к Жениной постели и сунула руку в сумочку... Вечером в квартиру Ремизовых пришли милиционеры, предъявившие ордер на обыск.

27. СКОЛЬКО ВЕРЕВОЧКЕ НЕ ВИТЬСЯ...

Они сидели на скамейке в парке. От реки тянул влажный осенний ветер. Ваня чертил палочкой на земле замысловатые фигуры, а Надя повторяла глухим низким голосом:

— Не могу... Не проси меня. Я не могу...

Что же он мог сказать ей, девушке, которую до сих пор втайне любил? Ему было больно: приходится объяснять то, что должно быть понятно без слов. В беду попал друг, человек, к которому Надя относилась лучше, чем к нему, Ване. И вот вместо того, чтобы бежать к следователю, доказывать правоту и честность товарища, Надя с непонятым упорством повторяет: «Не пойду, не могу».

Ваня не понимал, отчего Надя стала такой. А может быть, она и раньше была сухая и черствая, только он прежде не замечал? Он смотрел на нее и словно видел перед собой Степаниду Петровну: вот и она так же поджимает губы... И слова у Нади стали какие-то круглые, слишком уж обдуманные... Совсем как у матери!

А Надя, опустив голову, думала об одном: суд, много людей... Женя... Он представлялся ей: остриженным под машинку... А она, стоя под градом любопытных, выжидающих взглядов, должна отвечать на чьи-то вопросы, сознаваться, что проводила с ним долгие вечера. Нет, это невозможно...

Ваня встал:

— Ну что ж, тогда все! — голос его звучал грустно.

В молчании они дошли до ее дома, и впервые Ваня оказался зайти. Ему не хотелось больше разговаривать с Надей. О чем? Она оказалась плохим товарищем. А он-то завидовал Жене...

Надя почувствовала в нем перемену, и слезы навернулись у нее на глазах. Никто не хочет ее понять!

Они сухо простились, и, когда Ваня остался один, им овладела тревога. Как же все-таки быть? Конечно, он сам выступит на суде и расскажет о том вечере... Но этого будет недостаточно.

Мысли его снова вернулись к злополучному ключу. Откуда же все-таки ключ попал к Женьке. Это ведь страшная улика... Нет! Нужно выяснить, в чем дело.

Ваня повернул к Жениному дому. Подойдя к двери, решительно позвонил. Он помнил, как встретила его в прошлый

раз Лидия Ивановна: почти выгнала из комнаты. К его удивлению Лидия Ивановна, увидев Ваню, заплакала:

— Простите, что я тогда... Как Женечка, не знаете? Скоро ли суд?

Ваня ответил ей так тепло, как мог. Потом, помедлив, спросил:

— А вы не знаете, откуда Женя взял ключ?

— Какой ключ? — не поняла Лидия Ивановна.

— Тот, что нашли во время обыска у него под подушкой.

— Я не знаю... А что, это очень важно?

— Очень. И вдруг, загоровшись неясной надеждой, Ваня спросил:

— Может, кто из тех Жениных друзей сюда приходил?

— Никто, — покачала головой Лидия Ивановна. — Была только одна девушка из института. Такая милая.

Ваня насторожился:

— Как она выглядела?

— Интересная. Блондинка. Глаза красивые, зеленоватые, — припомнила Лидия Ивановна, — одета хорошо, модно.

— Она оставалась одна в комнате?

— Как? Значит, вы думаете... — заволновалась Лидия Ивановна. — Да, я выходила подать ей воды... Неужели...

Ваня встал, простился и вышел. Ему все было ясно. Филатова! Конечно, это она! Пришла для того, чтобы окончательно погубить Женю. Надо отыскать ее, отыскать немедленно, пока она еще здесь, в Москве. Впрочем, в Москве ли? Ведь это неизвестно. Как он найдет ее в огромном городе? Да еще нездоровится. Голова болит, плечи. Даже дышать тяжело. Хочется лечь, закрыть глаза и не думать ни о чем...

Ваня медленно шел по улице. Подняв глаза, он заметил вывеску ресторана. Как странно: тот самый ресторан, где он впервые встретился с Филатовой! Повинуясь какому-то неведомому чувству, Ваня толкнул дверь и прошел мимо важного бородатого швейцара. Зал был почти пуст. За одним из столиков спиной к двери сидела женщина. Возле нее стоял официант и что-то тихо говорил. Ваня прошел мимо, не обратив на них внимания. Вдруг женщина повернула голову, и Ваня невольно приостановился: перед ним была Филатова. Она и виду не подала, что узнала его, хотя очень испугалась. Как много выпало на ее долю за эти дни!

На вокзал Коцарь не приехал. Когда поезд ушел, Валя поняла, что там, у окружного моста, что-то произошло. Она взяла такси и поехала в Лужники. Вылезла далеко от мастерской и медленно прошла мимо нее. У ворот стояли какие-то люди, милиционеры. Она все поняла. На всякий случай позвонила из ближайшего автомата в гостиницу и с будущим сердцем слушала ровные гудки. Но никто не снимал трубку в 43-м номере.

После посещения квартиры Ремизовых Валя решила уехать. Денег на билет не было. Она вспомнила о знакомом официанте, который давно ухаживал за ней. «Он будет даже рад, если я попрошу у него взаймы»...

Стараясь идти как можно медленнее, Ваня направился к двери. Она, кажется, его не узнала. Тем лучше. Сейчас надо позвать милиционера. Вон он стоит возле остановки такси. Ваня подбежал к нему:

— Я бригадмилец. Надо задержать одну... Ее давно ищут.

Милиционер пошел с ним. Но когда они открыли дверь в зал, у столика уже никого не было.

— Ушла! — крикнул Ваня.

К ним приблизился официант.

— Где женщина, которая обедала тут?

Официант пожал плечами. Ваня выскочил на улицу и успел увидеть, как со стоянки такси рванулась темно-серая «Победа».

— Кто уехал? — задыхаясь от бега, спросил Ваня у водителя ближайшей машины.

— Какая-то дамочка из ресторана! — ухмыльнулся шофер. — Наверное, по счету не уплатила.

Времени терять было нельзя, и Ваня крикнул удивленному шоферу:

— Быстрее! Надо догнать!

Водитель попался лихой. Они летели, не сбавляя скорости, ни на минуту не теряя из вида мчавшуюся впереди «Победу». Позади остались улица Горького, Белорусский вокзал. «Победа» с ходу свернула в узкий, извилистый переулок. Раз пять завернув за угол, они чуть не натолкнулись на темно-серую машину, стоявшую возле какого-то дома. Шофер пересчитывал деньги. Ваня увидел, как еще слегка покачивается на петлях дверь подъезда и кинулся туда. Лестница была крутая и темная. Взмахнув на один пролет, Ваня услышал сверху чье-то тяжелое дыхание.

— Стой!— крикнул он.— Стрелять буду!— и пожалел, что у него нет оружия.

В ответ Ваня услышал:

— Ни шагу дальше! Стрелять буду я.

Ваня прижался к стене.

— Бросьте, гражданка Филатова,— сказал он спокойно, стараясь подражать Коврову.— Спускайтесь. Дом окружен.

Он сделал несколько шагов вперед, увидел растерявшуюся Валентину и схватил ее за руку. Она попыталась вырваться, но уже хлопали двери, выбегали жильцы.

28. СУДЬБА ТОВАРИЩА

После разговора с Ваней Надя заболела и никуда не выходила. Не пошла и к Андрею, который вызывал ее, желая допросить как потерпевшую. Зато Степанида Петровна с истинным увлечением занималась всем этим делом. Она дала пространные показания, хотя и не была очевидцем ограбления. Степанида Петровна осталась очень довольна работой милиции: подумать только — все вещи нашли и вернули. Только вот Надя ее тревожила. Она несколько раз пыталась поговорить с дочкой, но та отмалчивалась, и это еще больше волновало мать.

А перед Надиными глазами стояло лицо Жени — бледное, расстроенное, а в ушах звучал укоризненный голос Вани: «Товарища в беде бросила...».

Раздался неуверенный звонок. Так звонят посторонние. Надя встала. Дома никого не было. Степанида Петровна ушла на базар поискать для дочери кисленьких яблочек. Открыв дверь, Надя увидела незнакомого парня. Тот спросил:

— Вы Надя?

— Да.

— Я товарищ Вани. Он тяжело заболел воспалением легких. Простудился, когда преступницу ловил. Мы все ле него в больнице по очереди дежури́м, ребята из нашей смены. Он все время вас вспоминает, твердит: «Пусть Надя пойдет к следователю. Она пойдет, я знаю».

Надя схватила парня за руку:

— Он не сердится на меня?

— Не знаю,— помедлив, ответил гость и посмотрел на Надю.— К следователю вам надо идти. Вы знаете к кому? Ковров его фамилия.

— Сейчас? Хорошо!

Надя торопливо одевала боты. Ее поразило, что Ваня, который мечется в бреду на больничной койке, думает не о себе, а о ней и о своем друге, попавшем в беду.

В дверях показалась Степанида Петровна. Увидев незнакомого юношу, она насторожилась.

— Вот яблочек тебе принесла,— заговорила она, повернувшись к дочери и как будто не замечая гостя.— Ты куда это собралась? Может, к доктору?

— В милицию! — резко ответила Надя.

Степанида Петровна со стуком поставила тяжелую корзину на пол и грозно выпрямилась:

— Раздевайся! А вы, молодой человек, идите своей дорогой. Вас сюда не приглашали.

Но Надя, не обращая внимания на мать, продолжала торопливо одеваться. Она схватила за руку Ваниного товарища и сказала решительно:

— Пошли!

Дверь хлопнула. Степанида Петровна осталась стоять в полутемной прихожей. Через минуту она стремительно накинула пальто и бросилась вслед за ушедшими. Нет! Этому мальчишке не удастся увести ее дочь! Степанида Петровна все равно помешает этому, даже если придется силой отвести Надьку домой!

По дороге Юра Горин коротко объяснил:

— Ваня мне говорил: «Она одна может Женьку спасти. Я ведь не могу на суд прийти. Больше нет свидетелей». Сейчас вы ступайте прямо к следователю. Ковров знает вашу фамилию.

... В кабинете Андрея Коврова Валентина Филатова безжалостно «топила» Женю. На допросе присутствовал подполковник Осипов. Он сидел в уголке и напряженно вслушивался в острый диалог, который шел между Ковровым и Филатовой. Валя держалась легко и уверенно. Отвечала на вопросы, не задумываясь, чуть кокетливо.

Да, она давно знает Ремизова. Этот юнец постоянно бывал в их компании. Он предложил им украсть часы и указал, как легче проникнуть в институт. Кроме того, Женя рассказал, что был на экскурсии в экспериментальной мастерской и видел там подходящий товар. Именно он придумал, как можно взять гобелен...

— Украсть, вы хотите сказать? — уточнил Ковров.

— Ну, да, взять,— непринужденно ответила Валя.

Что касается пожилого мужчины, которого ей показывали, то она даже не знает его фамилии. Ремизов сказал, что есть человек, который, ни о чем не подозревая, доставит для них машину, и ему даже не надо будет платить.

Андрей хмурился: почему она валит все на Ремизова? Неспроста.

Ремизов забрался в мастерскую, вытащил гобелен, а она, Валя, ждала его снаружи. Потом подъехал этот незнакомец на машине, Ремизов погрузил гобелен, а Валя ушла, договорившись встретиться с ним на вокзале.

Ввели Коцаря. Он вел себя, как несправедливо обиженный человек. Ну, разумеется, он не подозревал, что готовится кража. Сын его начальника попросил подъехать с машиной: нужно, дескать, погрузить оборудование для экспедиции — отец просил взять со склада кое-какие вещи. Коцарь, конечно, не мог послушаться. И вот, оказывается, что честного человека профессорский сынок впутал в какую-то грязную историю.

Осипов и Ковров незаметно переглянулись. Помолчав, Андрей с расстановкой спросил Коцаря:

— А как ваше настоящее имя?

Коцарь удивился:

— Я же сказал: Коцарь, Максим Максимович.

— Может быть, Юзеф Михай?

— Я не понимаю вас!

— Подойдите к столу. Вот ваш старый паспорт.

Узнаете собственную фотографию?

Коцарь долго разглядывал измятый снимок.

— Вот два приговора по вашим прежним делам, — деловито продолжал Ковров. — Вот справка, что вы бежали из места заключения четыре с половиной месяца тому назад. Ну, как, достаточно, Михай?

— Я должен подумать, — глухо прозвучал ответ.

— Уведите его, — приказал Осипов конвоиру.

И вдруг звенящий голос Вали прорезал тишину:

— Тогда я хочу говорить. Я скажу всю правду. Хватит изворачиваться, мне надоела такая жизнь!

Глаза ее заблестели. Она давно обдумывала этот ход, который приберегала на самый крайний случай. Со свойственной ей предусмотрительностью она подготовила все заранее, еще до того, как ее арестовали...

— Я слушаю вас, Ванда Михай, — повернулся к ней Андрей.

Ванда растерялась. Значит, им уже известно, что Кочарь ее отец. Но она тут же взяла себя в руки. Однако от Андрея не укрылось ее секундное замешательство.

— Да, я его дочь, — почти заносчиво ответила Ванда. — Папа всегда уговаривал меня жить честно. Он приехал ко мне ночью, рассказал, что убежал, но что больше не станет заниматься прежними делами. Он не знал, что мы решили совершить кражу, действительно не знал. Мы с ним собирались уехать. А я решила взять этот гобелен для того, чтобы на новом месте получше устроиться.

Ванда говорила почти искренне. Ведь в ее словах была какая-то доля правды. Она действительно замерла от счастья в ту дождливую холодную ночь, когда, открыв дверь на незнакомый стук, различила в полумраке обросшее лицо отца. С каким трудом прятала она его! Как была довольна, когда тому удалось устроиться на работу в экспедицию! Ванда мечтала уехать с ним и с Толиком куда-нибудь далеко, где их не знают.

Но Ванда, конечно, умолчала о том, что отец случайно встретил старого друга Чистова и попытался уговорить его вместе выкрасть гобелен. Но Чистов неожиданно отказался. Он давно жил другой жизнью и не захотел помочь. Мало того, Чистов пригрозил сообщить куда следует, если они не оставят его в покое.

Ванда говорила, охваченная одним желанием, — спасти отца, спасти во что бы то ни стало. Но в тот момент, когда она уже была уверена, что сумела убедить следователя, раздался спокойный голос Осипова:

— Михай, вы и ваш отец убили Чистова за то, что он отказался участвовать в краже гобелена.

Андрей с удовлетворением заметил, что у Ванды задрожали губы. Это был рассчитанный, хорошо подготовленный удар. Но женщина уже успела сделать спокойное лицо. Они думают, что застали ее врасплох. Нет! Сейчас-то она и прибегнет к своему подготовленному, верному ходу. Зря она, что ли, посетила Лидию Ивановну? Ванда заранее предусмотрела все. Теперь у нее есть, куда отступить.

— Ладно, я назову убийцу! — помедлив, словно нехотя ответила она. — Чистова убил Евгений Ремизов.

Андрей пошевелился: так вот кто автор анонимного письма! Здорово выкручивается! Он почувствовал, что этого не ожидал и Осипов.

— За что же он его убил? — спросил подполковник.

— Мы хотели ограбить квартиру, но не успели. Закричала жена Чистова, и мы испугались,— искусно лгала Ванда.

Она сейчас, как никогда, владела собой. Ее нервы были напряжены до предела.

— Хорошо,— после паузы уронил Андрей.— Значит, вы решили сознаться, чтобы облегчить свою вину?

— Да, да,— горячо заверила Ванда и всхлипнула.— Мы ведь хотели только попугать Чистова, потому и пистолет взяли, но случайно Ремизов выстрелил... Вы же понимаете, в темноте...

— Понимаю,— кивнул Ковров, сдерживая негодование. Он был убежден, что Ванда клеветает на Женю.

— В котором часу это было? — спросил Осипов.

Ванда на секунду растерялась. Нет ли в этом вопросе ловушки? А впрочем, какая разница, когда это произошло!

— В час ночи,— ответила она уверенно.

Осипов вызвал дежурного и что-то тихо сказал ему. Тот вышел.

Через некоторое время дверь открылась и на пороге показалась молодая смущенная девушка.

— Итак, Михай, в котором часу произошло убийство?— еще раз спросил подполковник.

— В час ночи,— насторожившись, повторила Ванда.

Осипов обратился к девушке:

— Что вы хотели рассказать нам?

— Я узнала,— заторопилась Надя,— что Женю Ремизова подозревают в краже часов из института. Но он не мог участвовать в этой краже!

— Почему?

— Потому что двенадцатого октября мы с ним ходили в театр, и он ушел с нашей улицы в начале второго.

— Спасибо, товарищ Миронова. Вы сказали все, что хотели?

— Да... Все. Поверьте, Женя ни в чем не виноват!

Надя робко сказала «До свидания» и вышла.

— Итак,— медленно проговорил Ковров, пристально глядя на Ванду,— итак, вы утверждаете, что Евгений Ремизов...

Ванда почувствовала, что вот-вот все будет потеряно. Она лихорадочно искала способ еще раз выкрутиться, еще раз обмануть следователя. Вздохнув, она попросила разрешения дополнить свои показания.

— Я хотела спасти истинного виновника,— заявила она торжественно,— он сделал для меня много хорошего.⁴ Ну, что ж, придется сказать правду. Чистова убил Костя по кличке «Бумба».— И палец Ванды указал на только что введенного Костю.

Прерывая строгий порядок следствия, тот закричал во весь голос:

— Ты что врешь? Я же в этот день с Толиком и Васьком часы уводил из института!

— С вами был Евгений Ремизов? — быстро спросил Ковров.

— Нет,— ответил Костя.— Мы были втроем. И вообще, не понимаю, чего его к нам путают!

— Послушайте, Михай,— обратился к Ванде Андрей,— вы сообщили сегодня три «правды», и все они оказались ложью. Может быть, вы скажете нам четвертую, настоящую правду?

— Мне нечего больше сказать,— грубо ответила Ванда и отвернулась.

Ковров снова вызвал Юзефа Михая. Услышав, что его обвиняют в убийстве, он сделал удивленное лицо:

— Я даже не знаю, кто такой Чистов!

— Не знаете? — переспросил Андрей.— Подойдите ближе.— И он протянул фотографическую карточку, где были изображены все трое,— ту карточку, что принес Ваня.

Михай отодвинул ее локтем и угрюмо попросил:

— Дайте папироску, гражданин начальник!

Жадно затянувшись, он буркнул:

— Это еще не доказательство!

Тогда Андрей приказал ввести дворника Иванова. В дверях показалась женщина и сразу вскрикнула, указывая на Михая:

— Вот он, товарищ следователь, тот самый, высокий, который по двору бежал ночью! Луна светила, я его хорошо приметила!

Ванда опустила голову: больше она ничем не могла помочь отцу. Андрей приказал увести арестованных и сказал Осипову:

— Ну что ж, товарищ подполковник, дело можно передавать в прокуратуру.

29. ОН ОСТАЕТСЯ С ДРУЗЬЯМИ

Вместе с Юрой Гориным Надя вышла из палаты, где лежал Ваня. Он так и не сможет пойти на суд. Опасность миновала, но врачи запретили ему пока вставать с постели.

Вдвоем с Юрой они дошли до большого каменного дома, где помещался суд. Надя с невольным трепетом открыла тяжелую дверь.

Им пришлось подождать в коридоре. Здесь толпилось много людей. Заседание еще не началось. Какая-то женщина в нарядном пальто и высокий седой человек опустили на скамью рядом с Надей. Лицо у женщины было бледное и измученное.

В коридоре раздался шум. Народ расступился. Конвоиры вели арестованных. Надя прижалась к стене, расширенными глазами рассматривая процессию. Впереди шел мрачный мужчина. Его сощуренные глаза настороженно разглядывали публику. Шагавшего за ним парня Надя узнала. Это он той памятной ночью сбил ее на пол, когда она попыталась крикнуть. Сейчас он был растерянным и жалким. Вразвалку двигался рослый юноша в ковбойке, что-то шепча красивой женщине с холодным, злым лицом. И вдруг Надя увидела Женю. Он шел, опустив голову, щеки его пылали от стыда и волнения. Затаив дыхание, Надя смотрела на него. Рядом всхлипнула дама в нарядном пальто:

— Сыночек!

Надя тихонько сжала руку соседки. Значит, это Женина мама! Вот она какая... Очень славная!..

Лидия Ивановна сказала ласково:

— Наверное, вы Надя. Я слышала о вас.

Девушка молча кивнула. Они протиснулись в зал и сели рядом. Из соседней комнаты уже вышли судья и народные заседатели.

Надя плохо понимала то, о чем говорилось вначале. Речь шла о незнакомых ей вещах. Но вот она услышала свое имя. Это судья попросил ее и других свидетелей покинуть зал. На глазах у Нади навернулись слезы: неужели она ничего не услышит?

Юра Горин, очутившись рядом, шепнул:

— Погуляем во дворе! Потом тебя позовут.

Уходя, она посмотрела на скамью подсудимых. Глаза Жени испуганно следили за ней. Она заставила себя улыб-

нуться и кивнуть. И уже в дверях успела заметить, как сразу просветлело его лицо...

А в зале между тем судебное следствие затянулось. Филатова-Михай, отказавшись от своих показаний, данных Коврову, снова твердила, что Чистова убил Ремизов.

— Я заявляю, — нагло говорила Ванда, — что свидетельница Миронова лжет. Она выгораживает Ремизова, потому что между ними были амуры! Я просто не понимаю, почему суд не хочет наказывать настоящего убийцу?

Дали слово Жене. Вначале он очень волновался и не мог произнести ни звука, потом, собрав силы, откровенно рассказал все как было. Но его показания прозвучали очень неубедительно, и Андрей, который присутствовал на суде, с досадой почувствовал это.

Когда Женя замолчал, Лидия Ивановна всхлипнула. Ее сосед, высокий седой мужчина, тихо погладил ее руку. Многие в зале уже знали, что заплаканная женщина — мать подсудимого, а ее сосед — профессор Ремизов. Взгляды не раз обращались к этой паре.

Судья сказал несколько слов заседателям и попросил:

— Вызовите свидетельницу Миронову.

Лидия Ивановна с надеждой подняла голову. Вот входит эта милая девушка, с которой она сидела рядом.

— Она должна помочь Жене. Он никого не мог убить! Как они этого не понимают? — шепчет она мужу. — Что же происходит?

Михаил Семенович тихонько гладит ее по руке. Он сбит с толку всем тем, что приходится ему сейчас слышать. Ему кажется, что на скамье подсудимых вместе с Женей сидит он сам.

Надя немного успокоилась, пока бродила с Юрой Горным около здания суда.

— Ремизов не участвовал в краже часов, — повторяет она свои показания, — мы были в театре...

Судья полистал дело и негромко спросил:

— Свидетельница Миронова, напоминаю вам, что вы должны говорить суду только правду. Ведь раньше вы показывали другое. Вы по телефону сообщили следователю милиции Арефьеву, что 12 октября были дома, так как к вам в гости приехала тетя.

— У меня тети нет, — растерянно ответила Надя. — Я никогда не разговаривала со следователем Арефьевым.

И тут Степанида Петровна, которая незаметно пришла сюда вслед за дочерью и забилась в самый дальний уголок, не выдержала. Она отчетливо произнесла:

— Это я, товарищ судья, я... за дочку испугалась, наврала следователю... Вы уж простите...

Она сразу садится, но все уже смотрят на нее, смотрят укоризненно, с досадой. Ей не удается отсидеться в дальнем уголке, как она привыкла делать в жизни. Ее просят подойти ближе, она вынуждена передать дословно весь разговор с Арефьевым. В зале раздаются смешки.

— Гражданка Миронова, если бы сразу вы сказали правду, поступили, как полагается советскому человеку не пришлось бы сейчас краснеть вам и вашей дочери,— укоризненно говорит судья.

Степаниду Петровну отпускают, и она пробирается по залу. Она чувствует, что ее твердые жизненные правила сегодня опрокинуты...

Прокурор говорил:

— Чистов и Михай давно знали друг друга. Они оба вершили преступные дела, потом попали в заключение. Один из них, Чистов, стал честным человеком. Он отлично работал, освободился досрочно, добровольцем ушел в армию, храбро сражался. После армии пришел на завод, женился. И никогда не вспоминал о своем позорном прошлом.

— Совсем иначе жили Михай и его дочь Ванда. Когда они пришли к Чистову и стали уговаривать его принять участие в ограблении экспериментальной мастерской, он обошелся с ними не так, как они ожидали. Он выгнал их, предупредив, что напишет заявление, куда следует. Вот оно, это заявление, начатое, но не дописанное Чистовым,— и прокурор поднял белый лист бумаги, на котором виднелись короткие строчки.— Чистов не успел дописать заявление. Он был убит.

— Преступники решили направить следствие по ложному пути. Они пытались запутать шофера Киреева, подбросив пистолет к его дому. Они и сейчас стремятся опорочить не замешанного в убийстве, но слабовольного и бесхарактерного Евгения Ремизова.

— Михай не сознается в совершении убийства. Но суд имеет достаточно улик, чтобы вынести ему и его дочери обвинительный приговор. Их преступный путь окончен...

— Анатолий Шустов, Константин Баянов, Василий Смирнов совершали грабежи и кражи, они должны быть

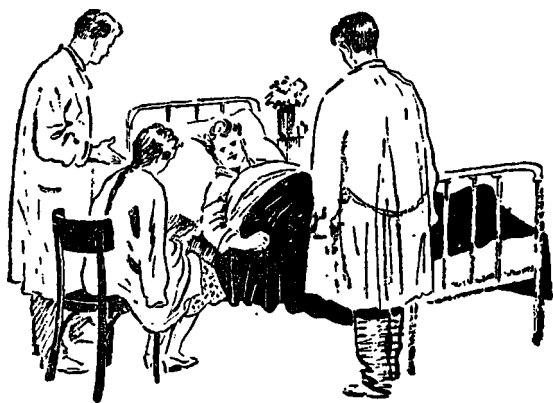
строго наказаны, а в отношении Евгения Ремизова я отказываюсь от обвинения и прошу передать его дело на рассмотрение комсомольской организации института.

Через час был зачитан приговор. Суд согласился с мнением прокурора, и Женю освободили из-под стражи. Он стоял посреди зала, и Лидия Ивановна плакала у него на плече. Михаил Семенович молчал. Надя вспомнила о Ване. Она сказала:

— А сейчас пойдемте к Ване Крутилину. Ведь он, наверное, волнуется.

Женя вышел на улицу и вдохнул свежий, морозный воздух. Падая первый легкий снег. Утром, когда Женю везли в суд, улицы были грязные и хмурые, а сейчас все так чудесно переменялось.

Женя взглянул на Надю и понял, что и она думает о том же. Какое счастье, что у него есть друзья — настоящие, преданные, которые не остались равнодушными к судьбе товарища.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
1. Хороший парень — Толик	6
2. Надя и Ваня	9
3. Семейная история	13
4. Загадочное убийство	17
5. „Зину увел милиционер“	22
6. „Ерш“	24
7. Расческа	27
8. Пломбир „Мельба“	31
9. Разговор по душам	34
10. Таинственная фотография	37
11. Теперь Жене все равно!	40
12. Степанида Петровна принимает меры	42
13. „Пока вы свободны“	44
14. Зразы „Михай“	49
15. Оборотень	52
16. Золотые нити	56
17. Отец и сын	59
18. Георгий Аристархович возмущается	64
19. Кража	68
20. „Спасите его!“	69
21. „Руки вверх!“	74
22. Тот, кого она боялась	78
23. „Кавалер“	82
24. Ваня ошеломлен	84
25. „Не мог он это сделать!“	88
26. Пробуждение	91
27. Сколько веревочке не виться...	94
28. Судьба товарища	97
29. Он остается с друзьями	103

Волк Ирина Иосифовна,
Голосовский Игорь Михайлович
«ПРИЗНАЮ СЕБЯ ВИНОВНЫМ...

Редактор *В. М. Чукул.*
Художник-оформитель *О. А. Цишевский.*
Художественный редактор *И. Ф. Федорова*
Технический редактор *Н. Л. Щедрина.*
Корректоры *Л. Г. Мурашова*
и *Л. А. Плеханова*

Сдано в набор 22/VI 1959 г. Подписано
к печати 22/VIII 1959 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂.
Объем: физ. печ. л. 3,38; условн. печ. л. 5,54;
учетно-изд. л. 5,72. Тираж 100 000. А-08301.
Цена 1 р. 40 к.

Госюриздат — Москва, Б—64, ул. Чкалова, 38—40.

Отпечатано с матриц Первой Образцовой
типографии им. А. А. Жданова
полиграфкомбинатом им. Якуба Коласа
Главиздата Министерства культуры БССР.
Минск, Красная, 23. Зак. 516.